

МИХАИЛ ДОРИН

**АВИАТОР 3
НАЗАД В СССР**

Михаил Дорин

Авиатор: назад в СССР 3

«Автор»

2023

Дорин М.

Авиатор: назад в СССР 3 / М. Дорин — «Автор», 2023

Курсант Родин полностью прошёл программу изучения своего первого самолёта. Дальше будет только быстрее и выше. Сверхзвуковые скорости, гул включения форсажа, большая любовь и верные друзья.

© Дорин М., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Михаил Дорин

Авиатор: назад в СССР 3

Глава 1

Я видел, что от самолёта отделилась тёмная точка, которая превратилась в парашютный купол. Но это один, а где же второй?

Самолёт был почти над кромками деревьев лесопосадки, как вдруг появилась вторая точка.

– Второй, есть.

На душе немного отлегло. Значит, обоим удалось выйти «из кабинета», так сказать.

Если верить Инструкции для лётчика Л-29 и разделу вынужденного покидания, первым катапультироваться должен был член экипажа, а затем командир. Но это не панацея. Можно производить в любом порядке.

Сам же самолёт, объятый огнём, стремился на встречу с земной поверхностью. Секунды падения смотрелись, словно в замедленной съёмке. Вокруг меня все пытались рассчитать место падения. Я даже не понимал, они сейчас восхищаются этим зрелищем или переживают так за судьбу «элочки».

Мне всегда говорили, что нельзя ставить свою жизнь выше этой «железки», пускай и дюралевой.

Свою грубую посадку с моментальным уничтожением, наш Л-29 совершил в районе объездной городской дороги на поле подсолнухов. В небо сразу устремился столб дыма. А со спины уже трубил общее построение эскадрильи Ребров.

– Все в казарму и ждать там. Курков старший и... над первым курсом тоже. Чего встали? Бегом, птенчики, в гнездо! – крикнул Гелий Вольфрамovich, а сам направился на КДП.

– Товарищ полковник! – догнал я его. – Разрешите я с наземной поисково-спасательной командой пойду сейчас. Там же наш товарищ и инструктор.

– Гелий Вольфрамovich, и мы готовы... – сказал, подбежавший вслед за мной Макс. Вместе с ним был и Костя.

– Курков, приказ какой был? Свалили в ужасе, малыши. Будет ещё время для героизма. Два купола видели?

– Так точно.

– Приземлились, примерно в районе Вороновского полигона. Найдём и в лучшем виде доставим. Круугом и не маячить здесь.

Несмотря на заверения Вольфрамovichа, на душе было беспокойно. Пока шли в казарму, я проигрывал в голове всё, что мы видели со стороны.

– Высота маленькая была. Зачем так тянули? – задавался вопросом Костя.

– Могли от деревни уводить. Там же и Сметановка, и Орловка, и... на полигоне же мотострелки на учениях сейчас! – воскликнул Макс.

– Я тоже думаю, что пытались затушить пожар. А потом уводили. Непонятно, кто первый «вышел», а второй. Нестеров кричал в эфир, что триста метров было, – сказал я.

– Вообще не помню, Серый. Я только крик Тёмыча услышал и сразу на улицу с туалета выскочил, – вздыхал Костя. – Там реально крик был. А если он обгорел? Свадьба же как?

– Пожар так быстро не развивается, чтобы они обгореть успели, – сказал я.

– И всё же вероятность есть, – пробубнил Макс.

– У Николаича тоже свадьба. Помните? Перед вылетом он говорил, – сказал я, а сам протянул руку Максy в просящем жесте и пару раз щёлкнув пальцами.

– Чего?

– Макс, ручник опусти. Сигареты давай. Обкурить надо, что Свете сказать и... Ирине Сергеевне, – предложил Костя, доставая свою белую мягкую пачку «Явы» с красным кругом посередине.

– Ничего не надо говорить. Рано ещё. Всё хорошо будет. Жалко только, не сможем ничего уточнить в больнице, – сказал я, подкуриваясь от спички Макса.

– Так ты ж не куришь, Серега, – воскликнул Курков, не убирая при этом горящую спичку.

С первой же затяжки мне стало не по себе. Если в прошлый раз, когда в своем кабинете сигарету мне дал Ребров, отказываться было не по статусу, то сейчас на меня никто не давил.

– Ну да, не курил и не надо начинать. Здоровье поберегу, – сказал я и переломил сигарету.

В скором времени шум двигателей со стороны аэродрома затих. Мы ещё долго сидели в курилке, так и не зайдя внутрь казармы.

– Он ещё и вместо меня полез в самолёт, – сказал я.

– Серый, нашел, кого винить в происшествии. Тем более, ты же видел, что там всё нормально было. Два купола, успели наполниться, – говорил Макс, срывая ягоды с тутовника.

Время уже близилось к отбою, но в казарму так никто и не зашёл из наших командиров. Никаких новостей, полный информационный голодняк. Макс даже сходил к дежурному по полку, чтобы узнать о произошедших событиях.

– Был, мягко выражаясь, послан очень далеко, – сказал он, возвращаясь в курилку.

– Родя, мы здесь ничего не высидим. К нам никто не придёт, – затушив сигарету, сказал Костя.

– Нестеров бы пришёл, – печально вздохнул Макс.

– Ладно, мужики. Завтра будет день – завтра будет и пища. Пошли... – собрался я уже уходить, как в темноте появился знакомый силуэт.

Вот кого, а этого парня мы не ожидали сейчас увидеть. Если именно так выглядит гонец с плохими новостями, то избить Швабрина было бы не так страшно. Везёт ему, что он офицер.

– Я и не удивлён. Как верные пёсики, ждёте своего хозяина, – сказал старший лейтенант, подойдя к курилке. – Вставать не учили при старших по званию?

– А мы же пёсики верные. Только перед хозяином хвостом виляем, Иван Фёдорович, – сказал я, вставая со скамьи и пытаюсь пройти мимо него.

– Ну, будет, Родин. Нормальные вы ребята. Меня к вам Новиков отправил, а его попросил ваш товарищ. Рыжов вам привет передаёт, и просит не волноваться за него.

Мои товарищи буквально бросились к Швабрину узнавать подробности. На этот шум сбежались и остальные обитатели нашей казармы.

– Вы чего? Да успокойтесь! – кричал Швабрин, пытаюсь отделаться от заваливших его вопросами курсантов. – Становись! Курков, построить всех перед казармой.

– Форма одежды? – спросил Макс.

– Да по барабану!

Оба взвода построились в колонну по три, оставив небольшое пространство между собой.

– Второй курс налево, первый курс напраааво! – скомандовал Швабрин.

Сейчас он вполне соответствовал образу нормального офицера. Голос командный, движения и походка статные. Иван Фёдорович становится взрослее! Такими темпами и перестанет кретином быть.

– Все вы видели сегодняшнюю аварию самолёта Л-29. Хочу вам сказать, раз уж меня занесло к вам, такое вполне может случиться и с вами...

М-да, умеет он приободрить народ. У некоторых в глазах уже буквы, собирающиеся в слово «Рапорт» видны.

– Не с того начал... сегодняшний случай видели все. Такое случалось раньше, может случиться и в будущем...

Швабрин посмотрел в нашу сторону, будто пытался спросить, пойдёт ли такое вступление. Я взял на себя смелость, и сделал отрицательные движения головой. Меня больше интересовало состояние Нестерова.

Раз уж про здоровье Артёма мы узнали, то теперь нужна была информация о Николаевиче. Только вот мотивационная речь Швабры как-то не к месту сейчас.

– Ой, короче... Рыжов в порядке. Отшиб ягодицу и повредил своё самолюбие, – сказал Швабрин.

– Как самолюбие? – спросил Костян.

– Вот так. Приземлился на край здоровенной ямы и скатился вниз, а там компост. Говорят, час отмывался в душе. Комбинезон будет где-то новый доставать. Похоже, не отстирал.

Это хорошо, что в строю слышались смешки и настроение улучшилось. Тем не менее, Иван Фёдорович почему-то умалчивает состояние Нестерова.

– Вы сказали, что это авария? Пётр Николаевич жив? – спросил я.

Швабрин взглянул на меня, не торопясь рассказывать. Что-то начинают меня сомнения терзать в правильности моей оценки последствий. Но второй купол я видел! И не только я. Значит, жив.

– Живой наш Николаевич. И жить будет. По предварительной версии, произошёл пожар двигателя. Экипаж увёл самолёт от близлежащих населённых пунктов и воспользовался средствами аварийного покидания. Пострадали только плодово-ягодные деревья...

– А состояние Нестерова? – продолжил я спрашивать.

– Так, всем разойтись! Отбой через пятнадцать минут, а вы шарахаетесь. Живее.

Пока толпа спешно покидала небольшой плац перед входом, Швабрин, всё же, подошёл к нам троим.

– Правда, Николаич жив. Но... не совсем гладко катапультирование прошло. Травмы там с ногами, шею обожгло...

– Он летать будет? – спросил я. – Сами знаете, что будет, если не сможет.

– Мне не рассказывай! Небо для всех одно, и я его тоже люблю не меньше, чем Нестеров, – огрызнулся Швабрин, но тут же сбавил обороты. – Отдыхайте. От вас ничего не зависит. Если молитесь... ну, так чтоб никто не видел.

Мы уже направились в казарму, но я забыл о ещё одном деликатном деле.

– Фёдорович! – окликнул я Швабрина.

Не собирался я так по-свойски обращаться к Швабре. Не разрешал он так себя называть. Я догнал его, и уже готовился получать нагоняй за излишнее панибратство в обращении к офицеру. Знал бы он, что в своей жизни настоящей, повидал я побольше его. Ещё кто кого должен по отчеству называть!

– Давай, говори, Родин, – спокойно сказал он.

– У Рыжова невеста есть. Ей бы сообщить. Она, между прочим, дочка полковника Кузнецова из...

– Знаю Ивана Ивановича. У нас их два таких в училище. Второй Борисов ещё, на тренажёрах. Я тебя слышал, что надо ей сказать. Сделаю, – сказал он, закуривая сигарету «Стюардессы». – Будешь «стерву»? – предложил он мне.

– Добров как-то уже предлагал. Отказался, – усмехнулся я.

– Меня же он и подсадил на них. Болгарская отравка, но неплохая. Ты там, предупреди своих... вернее, просьба есть. У вас во взводе, нормальные все вроде ребята, – начал говорить Швабрин, прервавшись на подкуривание.

Насчёт нормальности Ивана Фёдоровича пока не полностью уверен, но он крайнее время делает значительные успехи в этом направлении.

– Мы нормальные парни, Фёдорович. Вам давно пора это принять, – сказал я. – Говорите, что у вас?

– Большинство офицеров разошлись по домам. Начальники ещё пока на территории, но следить за вами не будут. Давайте сегодня без самоходов? Командиров пожалейте?

– Не вопрос, Фёдорович. Доброй ночи! – пожелал я, протягивая руку Швабрину. Удивительно, но он совершенно адекватно отреагировал и пожал её в ответ.

Возвращение Артёма в казарму было встречено громкими овациями и одобрительными криками. Представляю сейчас его ощущения, когда на тебя сыплется столько вопросов о произошедшем событии. Год назад и я был в его положении. И завидовать здесь я бы точно не стал.

Любое катапультирование – это всегда огромный стресс для организма. По воспоминаниям лётчиков, переживших подобное столь резкое прерывание полёта, боли в спине и пояснице будут преследовать на постоянной основе до конца жизни. Сейчас Артём выглядит вполне себе здоровым и счастливым, стоя в проходе между кроватей.

– Запах дыма сначала появился. Нестеров сразу же перехватил управление и стал уводить в сторону от поселений, – начал Рыжов свой рассказ. – Я давай в эфир кричать...

– Это мы слышали. Чего дальше было? – спросил Костя.

– А дальше Николаич кричит прыгать. Я сгруппировался и как по инструкции: правой рукой фонарь скинул, а затем на рычаг отстрела, и как выкинуло вверх. Ничего не видно, темнота, ветер дует. Уже потом только понял, что глаза у меня закрыты, а я уже на стропах и около земли.

– И как приземлился? – поинтересовался я.

– Да не очень. В овраг скатился какой-то, а там этот компост... чтоб ему было пусто! Свете отдал комбинезон постирать, так она его выкинула. Вонял ужасно. Вся больница шаркалась.

Про Нестерова Артём немного знал. Катапультировался он после него, а куда улетел – не видно.

– Всё очень быстро происходило. В больнице потом говорили, что Николаича в окружной госпиталь бы надо отправлять. Операцию быстрее делать, но так и не отправили, – сказал Артём.

Ночью мне не сразу удалось уснуть. Я всё также переваривал произошедшие события. Перед глазами до сих пор летящий вниз самолёт и нервное ожидание, что из него выпрыгнут двое близких тебе друзей.

Невольно мне вспомнился страшный сон, который приснился в Антайске с падением самолёта. Конечно, картина совершенно отличалась от той, что была в Белогорске. Тем не менее, не могло ли быть это предзнаменованием?

– Готов... прыжок... – громко говорил во сне Артём.

Интересно, а я также кричал после пережитого в прошлой жизни и посадки в поле?

Весь следующий день мы продолжали названивать домой Нестерову, но никто так и не брал трубку. Наверняка Ирина с ним в больнице. Спрашивали у инструкторов, но никто не признавался. Мне кажется, что никто и не ходил к Николаевичу. Сомневаюсь, что все дружно забили на него, но некоторое безразличие к произошедшему ощущалось.

Через неделю полёты продолжились. Время шло к периоду экзаменационных полётов за весь курс обучения на Л-29. К этому нас готовил уже Новиков.

– Ну, что, вы ж всё знаете? – спросил он, зайдя в наш кабинет. – Николаевич в вас души не чаял. Выгуливал вас...

– Роман Валентиныч, ну мы же не собаки, чтоб нас выгуливать, – сказал я.

– А кто на спортивном городке постоянно просиживал штаны? Неужели учили там? – возмутился он.

– Так точно. Это ж методика такая. В непринуждённой обстановке, на свежем воздухе и думается лучше, – ответил Макс.

– Вот уж эти методики. На природе гулять надо, шашлычок, рыбалка. Эх, а вы такую атмосферу зубриловом портите, – махнул он рукой, присаживаясь на стул.

– Что расскажете нам про экзаменационный полёт? – спросил Костя.

– Для начала, что Рыжов его не полетит, поскольку ещё не прошёл период восстановления.

– Ну вот почему? Я здоров. Вот... документ есть, что «выписан в удовлетворительном состоянии», – достал Артём из кармана небольшой бланк со справкой.

– Мне можешь не показывать. Без очков не вижу. Нельзя пока тебе. Психолога пройдёшь, осмотры повторные и долетаешь. Успеется ещё, – подмигнул Артёму Новиков. – Остальные – на самолёт после обеда. Там же и практическое занятие проведём. Начальство указало, чтоб прошли повторно тренажи по вынужденному покиданию. Так, а теперь ознакомимся с заданием на сам экзаменационный полёт.

Валентинович сказал, что сложностей с экзаменом возникнуть не должно.

– Задание простое, как «стеночка» в футболе «по-спартакowski», – рассказывал он, открывая курс учебно-лётной подготовки.

Ну, так себе простое! Штопор с выходом на боевой разворот, «восьмёрка» с креном в шестьдесят градусов и две бочки.

– Ну и комплексы пошли, – продолжил командир звена. – Первый, второй и третий.

Каждый из этих комплексов сочетал в себе различные фигуры и маневры. «Горка» с последующим пикированием, переворот с «Петлём Нестерова» и косою петлём. И завершаешь это всё переворотом с косою петлём и боевым разворотом.

– Начать и закончить, Роман Валентиныч! – воскликнул Макс.

– Там ещё спираль с креном сорок пять градусов в конце, – отметил я. – А на «закуску» – заход по приборам с выходом на привод аэродрома и в расчётную точку.

Это, так называемый, «заход по системе с прямой». Выходишь на аэродром и занимаешь взлётный курс. Далее набираешь до расчётной дальности указанную высоту «полёта по системе», выполняешь разворот на аэродром и летишь на этой высоте обратно. После полёта привода отворачиваешь на курс в расчётную точку, в которой выполняешь разворот на посадочный курс. Дальность выхода будет намного больше, чем мы привыкли при визуальном заходе по кругу.

– Не паникуйте. Тут и без вас сейчас проблем куча. Вон, с Николаичем непонятки...

– Что с ним? – подскочил на ноги Костя.

Бардин вообще тяжелее всех переживал это происшествие. Артём выглядел спокойнее, чем он. Костян даже сейчас был весьма бледен, а руки, которыми он опирался на стол, слегка дрожали.

– Тише, Бардин, – сказал Новиков, подходя к нему и хватая его за плечо. – Живой, живой. Подробности пока не знаем.

– Как вы можете не знать? Что за постоянное враньё? – воскликнул Костя, снимая с плеча руку Валентиновича. – Ваш товарищ, может, при смерти лежит, а вы тут нам про петли с прямыми рассказываете.

– Не истери, Бардин, – спокойно сказал Новиков, но его терпению может прийти конец.

– Он наш инструктор! А ты... – крикнул он на Артёма. – Кто говорил сфоткаться? Весело вам всем было. Родя только...

Я не стал ждать, пока санкции к нашему нервному товарищу применит Валентинович. Схватил лежащую в столе флягу с водой, которую мы всегда носили в летний период, и вылил немного воды на Бардина. В ту же секунду он замолчал, задышав как после бега.

– Пошли в туалет, – сказал я, и повёл его за собой.

В санузле штаба эскадрильи Костя умывался, ныряя под кран с холодной водой. Так можно и совсем сорваться, если не успокоить эмоции.

– Полегчало? – спросил я, протягивая ему китель от повседневной формы.

– Нет. Сердце быстро бьётся. Щас вырвется наружу. Чего я там, много наговорил?

– Достаточно, чтобы получить леща командирского.

Вытереться было нечем, но Костю, как мне кажется, это не заботило сейчас. Одевшись, он подошёл к окну, смотря куда-то вдаль.

– Ты же видел, Серый. Самолёт горел, место падения в огне. Они могли прыгать сразу, – сказал Костя. – Но как покинуть кабину, если под тобой дома?

– Нельзя. Будет много жертв и разрушений. Экипаж увёл машину в сторону, как и положено. Чего ты так нервничаешь?

– Меня бесит, что нам не могут ничего сказать. Будто мы маленькие. У нас у каждого больше ста часов налёта. Мы не дети.

– Вот и не нужно себя вести, как ребёнок, Костян. Будь сдержан. Или тебя что-то другое гложет?

Просто так нервничать из-за недосказанности нельзя. Может, что-то надломилось у Бардина?

– Ты всё верно сказал, Серега, – произнёс Костя, поворачиваясь ко мне. – За себя я не уверен. Смогу ли я так, до последнего бороться?

– Почему нет? Это наш с тобой долг. Даже не думай...

– Но я думаю. Постоянно думаю теперь. Спать не могу. Как услышу, что Артём говорит во сне, так трясёт всего.

Вот чем ему помочь? У него сначала неуверенность с боязнью отца подвести была, теперь вот это. И не бросишь в таком состоянии. Товарищ, как-никак.

Дверь в умывальник открылась, и на пороге появился Макс с довольным лицом.

– Новиков сказал вас позвать. Сегодня вечером к Николаевичу пойдём.

Глава 2

В отделение к Николаевичу просто так было не попасть. Хирургия «славилась» своими строгими порядками и медсёстрами, с противным характером и голосом.

Тишина в коридоре отделения стояла гробовая. Любой, кто был не в палате, сразу становился объектом пристального внимания со стороны постовой медсестры.

– Петрин, у вас постельный! Чего мы ходим? – кричала на хромящего пациента со своего рабочего места бочкообразного вида медсестра.

– Я ж только за уткой для соседа...

– Сама принесу. Быстро в кровать, – махнула она на него, и повернулась в нашу сторону. – Чего в дверях столпились? Читали про часы посещения?

– Мы... мы к майору Нестерову, уважаемая... – промямлил Костя.

– Вы чего удумали? Часы посещения с трёх до пяти.

– Так сейчас без десяти пять. Мы успеваем, – сказал Артём, вжимаясь в стену.

Грозная тётя давила на него своим бычьим взглядом и мощным весом.

– Я сказала, вперёд из отделения. Сейчас в училище позвоню... А это кто у нас такой? – резко переменялась в настроении медсестра.

Из-за наших спин выступил Роман Валентинович с большим венком непонятных цветов. Одевшись в строгий костюм, который явно принадлежал кому-то из более старших Новиковых, командир звена с широкой улыбкой протиснулся перед нами к засветившейся от счастья привратнице хирургии.

– Ромочка, какими судьбами? Ещё и с цветами! – воскликнула она, совершенно забыв о своих обязанностях.

– Галинэ ты моя, Галинэ! Потому что я с севера, что ли. Я готов рассказать тебе поле, про волнистую рожь при луне. Галинэ ты моя, Галинэ, – перефразировал Новиков знаменитое стихотворение Есенина. – Давно не видел тебя, Галочка, – сказал он, целуя руку медсестре.

– Конечно. Ты всё со своими курсантами, да самолётами. А у меня вон сколько работы.

Да, сидеть полдня и следить за утками, разрабатывая при этом голосовые связки – чтоб я так работал! Хотя, конечно, утрирую я деятельность медсестёр. Много они работы выполняют.

– Галиночка, мой ты человек прекрасный, пойдём чайку попьём, – сказал Валентинович, поднимая вверх авоську с коробкой торта «Ленинградский». – Давно не сидели мы с тобой.

– Ромашка, ты ж не просто так пришёл. Сейчас, вообще-то, ещё не вечер, чтобы... оой! – взвизгнула медсестра, когда Валентинович развернул её в сторону ординаторской и резко ущипнул за попу. – А ручки всё такие же шаловливые у тебя. Куда свою гвардию одеваешь?

– Они к Петьке. Вещи отдадут и назад. Милочка моя, ну надо... – продолжил уговаривать её Новиков, но Галина не склонялась перед очарованием бравого советского офицера и перспективой с ним... скушать тортик.

– Ромка, нельзя к нему, – отстранила она Новикова от себя, но Валентинович не сдавался. Был он заинтересован в продолжение вечера в ординаторской не меньше, чем мы в посещении Нестерова.

– Про волнистую рожь при луне. По кудрям ты моим догадайся. Дорогая, шути, улыбайся, не буди только память во мне про волнистую рожь при луне, – продолжил командир звена показывать свои познания в отечественной литературе.

– Сколько я уже раз тебе говорила? Ирина попросила не пускать. Она не отходит от него. И... здесь посетители, Ромка, – сказала Галина, убирая руки Валентиновича от своей объёмной груди.

– Галинэ, ты моя, Галинэ! На тебя она страшно похожа, может, думает обо мне... – запел снова Новиков, но тщетно.

– Нет, я сказала.

На этом стихотворный запас Валентиновича, как я думал, должен был закончиться, но не тут-то было.

– Есть в имени Галина азовские наши приливы, и шорох золотистого песка, вкус волны соленой, жарким солнцем опаленный. И её нежный взгляд, как неистовый и багряный закат...

– Ой, ну пошли, лётчик-стихоплётчик! – отмахнулась Галина. – А вы недолго, и чтобы тихо там у меня. Третья палата у Нестерова.

Новиков и Галина исчезли за дверью ординаторской, пока мы переобувались в принесённые нами тапки. Настолько готовились к посещению, что и сменку с собой взяли.

Тихо постучались в дверь третьей палаты и приоткрыли дверь. Все четыре наших головы просунулись внутрь, чтобы посмотреть обстановку. В палате тихо звучала музыка.

– Чего крадётесь? Не сплю я, не сплю, – прозвучал шёпот нашего инструктора.

Он лежал на одной из двух кроватей, пытаясь перелистнуть страницу книги загипсованной рукой. На соседней койке, укрывшись простынёй, спала Ирина.

– Не разбудите. Она после ночной смены сегодня. Вроде старшая медсестра, а службу тащит наравне со всеми.

– Как ваше здоровье, Николаич? – спросил я, первым входя в палату.

Первое впечатление от внешнего вида – у Нестерова было сломано практически всё. Обе ноги в гипсе, подвешены на растяжках. Левая рука, из которой торчат различные железки, лежит на специальной подставке. Правая в гипсе, но у него получается ею двигать. Шея в компрессах для восстановления после ожогов, и множество царапин на лице.

– Не дождёшься, Родин. Спасибо, что пришли. Думал, что не пустят вас. Слышал, что Ирина никого не пускает ко мне, – сказал Нестеров, откладывая в сторону книгу Достоевского. – Скоро экзаменационные полёты, а вы по больницам ходите. Думал, что вы на спорт-городке пропадаете.

– Сегодня можно и отдохнуть, товарищ майор. Мы ненадолго, – сказал Костя.

– Да я наоборот рад, что смогли прийти. Кстати, кто теперь с вами полетит?

– Новиков. А на сам экзамен пока ещё не определили, кто именно проверяющим будет, – ответил Макс, присаживаясь на стул около раковины.

– Ну, главное – не мандражируйте, – сказал Николаевич, почесав свою левую руку. – Чешется ужасно, а железяки не дают подлезть.

– Врачи что говорят? – спросил Костя, который всё ещё стоял около двери.

– Бардин, а ты чего там стоишь? Иди, поздороваемся, – сказал Нестеров, вытягивая правую руку, чтобы поздороваться.

Я стоял ближе всех и собирался присесть рядом с кроватью Николаевича. Он смотрел на меня с ухмылкой, будто обрадовался, что прочитал мои мысли.

– На твоём лице, Сергей, так и читается: ну я же говорил, – сказал Нестеров, отводя взгляд в сторону.

Ему получилось угадать, что крутилось у меня в голове. Неужели я так отчётливо показывал это своим выражением лица?

– Это лишь приметы, Николаич.

– В авиации слишком много суеверий, Серый. Все не получится соблюдать, – сказал Костя, медленно подходя к Николаевичу, и аккуратно пожимая ему руку.

– Как видишь, Бардин, эти следовало соблюдать, – усмехнулся Нестеров. – За фрукты спасибо, но я столько не съем.

Я посмотрел на стол напротив его кровати. На нём было навалено несколько авосек с различными фруктами и гостинцами. Туда же добавились и наши. Стоял рядом с этой фруктовой горой и радиоприемник, в виде небольшого кожаного футляра с надписью «Кварц» и плечевым ремнём для переноски, играющий очередную песню Кобзона.

– Вам сейчас надо больше витаминов. Восстановление много времени займёт. Успеете вернуться в этом году? – спросил Артём, но мы трое удостоили его гневным взглядом, а Макс даже ткнул его кулаком в плечо.

– Ладно тебе, Максим. Тёмыч, ты сам как? Смотрю, свеженький и только слегка поцарапанный, – спросил Нестеров.

– Выписали через несколько дней. Вроде никаких осложнений нет, но заставляют обследование пройти. А ещё на досках обязали спать. Чё за бред? – выругался Тёма чуть громче, чем это было нужно.

– Гудок прикрой, Тёмыч, – шикнул на него Макс. – Верещишь так, что Ирину Сергеевну разбудишь.

– Да ладно вам. Не собачьтесь, – успокоил Нестеров. – Компрессионный перелом у меня первой степени. Сейчас не помню, каких именно позвонков, но ходить буду. Криво, конечно, но на своих двоих, а не на четырёх.

– Значит, как заживет, вернетесь к нам? В следующем году мы МиГ-21... – снова вставил свой вопрос Артём.

Что за бездумное создание, наш товарищ? Головой, что ли, шандарахнулся на приземлении? Нашёл, что спрашивать у Николаевича. Я даже не представляю, каково ему сейчас. Хорошо, если совсем не спишут по здоровью. Как ему без неба?

– Тёмыч, тебе не надо в туалет? Ты ж сильно хотел всю дорогу до палаты? – намекнул я ему, что стоит либо заткнуться, либо выйти за дверь, раз не может язык за зубами держать.

Николаевич начал смеяться и тут же скривился от боли. Резко ему двигаться нельзя.

– Пусть. Я уже в первые дни отпсиховался. Вон, дырки видите на дверях? – кивнул он в сторону встроенного в стену шкафа, двери которого выкрашены в цвета стен палаты. – Тренировался в метании гранаты, только вместо неё стаканы использовал.

На дверцах и, правда, были небольшие вмятины от посторонних предметов. Представляю, как переживала Ирина, когда видела эти эмоции.

– Что пошло не так, Пётр Николаевич? Почему не сразу прыгнули? – спросил я.

Из рассказа Николаевича стало понятно, что он уводил самолёт от деревень и должен был прыгнуть сразу за Артёмом. Однако в месте падения он в тот момент разглядел небольшой хутор.

– От больших деревень ушли сразу. Потом, пока фонарь скидывал, увидел эти три дома. Дал ещё ручку вправо, привёл в действие катапульту, но задел не до конца открывшийся фонарь. Удар был сильный. Думал, спина у меня разлетится. От кресла, когда отделился, до земли лететь было совсем немного. Плохо помню, как приземлился и на что.

Мы разговаривали ещё долго. От души посмеялись над вечером у Светы и Наташи, когда Тёмыч делал предложение своей девушке. Николаевич рассказал, как он вступал на путь создания семьи. И, как всегда, разговоры про авиацию. А потом проснулась Ирина.

– Как вы прошли? – удивилась она, разнося всем чай, который она вскипятила в небольшом самоваре.

– Просто вежливо попросили, – сказал я. – Ну, и тортом «Ленинградским» придавили.

– Тут вы угадали. Наша Галя очень любит этот продукт кондитеров, – сказала Ирина.

– Она, похоже, не только тортики любит, – посмеялся Тёма, намекая на крупное телосложение постовой медсестры.

– А вам только стройненьких подавай! – воскликнула девушка. – Это хорошо, что вы Валентиныча не привели ещё.

Я чуть не обжёгся от неожиданности. Мне уже не хотелось слышать, почему ставка на обаяние Новикова была ошибочной.

– А что не так с Валентинычем? – спросил Костя, чуть не выронив кружку из рук.

– У них с Галей странные отношения. Он иногда приходит, чай они пьют, могут и вина. А потом вдруг вспоминается, что Новиков женат и супруга у него тоже работает в больнице. А вы чего замолчали?

– Да всё хорошо, Ирина Сергеевна, – сказал я, переглядываясь с парнями. – А почему нам не говорили о состоянии Николаевича?

– Это я сказал, чтоб никто не знал, – проговорил Нестеров. – Ты ж видел следы психов моих. Да и пугать не хотелось. На глазах же у всех курсантов произошло. Я за Тёмьча переживал больше. А он оказался крепче. Да, Рыжов?

Артём лишь молча кивнул. Не крепче он оказался, а просто не думал о последствиях.

– Он нам сказал, что всё на автомате делал. Глаза даже закрыл, – сказал Макс.

– Значит, хорошо запоминал на тренаже по вынужденному покиданию. Так, нам пора товарищи, – объявил я. – Ещё в училище идти.

– Серый, погоди, а как же В... сопровождающий наш? – спросил Артём.

Ну вот что за олень! Проговорился насчёт Валентиновича. Когда мозгов нет, от таких стрессовых ситуаций, как катапультирование, проще отходить наверное.

– Вы издеваетесь? Немедленно уводите его отсюда. Его супруга сегодня в столовой на смене, а сейчас...

В коридоре раздался женский крик, и звук разбивающегося стекла. Неуверенный голос Валентиновича перемешался со звуками падающей железной посуды.

– Сволота! Алкаш! Бабник! – кричала на красавца Новикова женщина схожей комплекции с Галиной, когда мы выглянули из палаты.

– Зинуля, холодное оружие убери! – защищался от ударов половником Валентинович, накидывая на себя пиджак и выбегая из ординаторской.

На его пути возникло препятствие в виде тележки с ужином для пациентов. Преодолеть удалось, только перевернув её со всеми кашами и запеканками.

– Зина, это не то, что ты подумала, – пыталась оправдаться Галя, которую повариха дергала за волосы.

– Я вам покажу, голубки!

В понедельник на построении Новиков был молчалив и слегка помят. Видимых увечий на лице не присутствовало, но за спину и плечо наш командир звена постоянно держался.

Как потом выяснилось, казус Валентиновича был в неправильном расчёте графика его супруги. Ожидалось, что в тот день она будет на даче, но кто-то из сотрудниц заболел, и Зинаиде Новиковой пришлось прям с грядок бежать, спасать от голодной смерти весь госпиталь.

– Главное, что живой. Тётя Зина, судя по всему, его не сильно отругала дома, – предположил Артём, когда мы пешим ходом отработывали экзаменационный полёт на спортгородке.

– Половник – страшнейшее оружие в руках женщины. Ну, а Валентиныч, оказывается, тот ещё кобель! – сказал я.

Отстранённо держался Костян, сидевший на скамье. Так он и не отошёл от увиденного.

– Может, ему с Майоровой поговорить? – предложил Артём. – Она же психолог.

– Лена уже предлагала, – сказал Макс. – Я ей рассказал про состояние Кости и его эмоции, но он отказывается идти к ней. Бойтся, что от полётов отстранят, а потом и спишут.

– Он в таком состоянии может нормально и не слетать. Да и к Майоровой ему все равно придется идти перед полётом, раз она знает о его проблеме, то не допустит. И не потому что она вредная, а для его же безопасности, – предположил я. – Разговаривали с ним?

– Костян уходит от разговора на эту тему. Начинает сразу про свою Зою говорить, и как ему с ней хорошо.

Почему-то, я думал, что встреча с Николаевичем и получение объективной информации о его здоровье позволит Бардину успокоиться. Этот поход только усугубил его состояние и страх перед вылетом. Не раз я замечал, что он не спит ночью, в столовой не может ровно дер-

жать приборы и совершенно отстраняется от нас. Нужен был кто-то, кто сможет привести его в порядок. С этим вопросом я решил отправиться вместе с Максом к нашей Леночке Петровне.

В своём кабинете, который находился в санчасти училища, она как раз проводила приём по личным обращениям курсантов. Мы предварительно заглянули к ней, чтобы удостовериться в наличии там посетителя. И я заметил, насколько это возмутило Макса.

– Ты чего? Это её работа. Не увольняться же ей теперь? – спросил я, когда Макс ходил взад-вперёд передо мной в ожидании вызова в кабинет.

– Ты видел его? Это же Королёв. Отличник с четвёртого курса. Пловец, ударник и всё такое. Он специально ходит к ней. Я уже заметил, что он частенько здесь. Подкатывает к моей Леночке...

– Ух ты! А вы собственник, я смотрю, Максим. У вас проблемы личного характера. Хотите об этом поговорить? – сделал я умный вид, будто веду приём как врач.

– Не смешно, Родя! – рыкнул Макс. – Я каждый раз, когда его вижу, сломать хочу пополам...

После такой угрозы из кабинета появился тот самый Королёв. Высокий, статный, плечистый, без единого прыщика на лице, белозубая улыбка, как у Тома Круза. У меня было ощущение, что передо мной прототип Мэверика из «Топ Гана».

– Да, сударыня. Вы сегодня замечательно выглядите. Рад, что наша беседа прошла в хорошем ключе, – сказал Королёв, закрывая дверь.

– Свободно? – спросил я.

– Да. О, а ты Родин? – поинтересовался Королёв. – Тебе говорили на кафедре физо, что скоро соревнования по плаванию?

– Да, но сначала училищные. Вроде как отбор будет в сборную.

– Не-а, это так для вида. Сборников привлекать не будут. Мы только рядом стоять будем. С кем там соревноваться? Вон с ним, что ли? – кивнул он в сторону Макса. – А ты чего пришёл? На красивую девушку поглядеть? Не заглядывайся, чернявый. У меня планы на неё. Давай, Родин. В бассейне встретимся, – сказал Королёв, хлопнув меня по плечу.

Как только мачо скрылся за углом коридора, Макс разжал кулаки и выдохнул.

– Утопи его там незаметно, Серый. Бесит он меня, – сказал Макс.

Цветовая гамма стен кабинета психолога являлась сочетанием бледно-бежевых тонов. Помещение просторное, для того, чтобы посетителям было комфортно и их ничего не стесняло при общении с Майоровой. Большой мягкий диван, небольшая «чайная» зона в виде столика с необходимым набором для чаепития. Никаких плакатов, дипломов, фотографий и прочих отвлекающих элементов.

Леночка Петровна, как и всегда, органично смотрелась за своим рабочим столом. При мне уже можно было не скрывать своих чувств, и Макс подошёл к ней и чмокнул в щёчку.

– Давно ты ко мне не приходил сюда. У вас какие-то вопросы ко мне? – спросила она.

– Елена Петровна... – начал говорить я.

– Просто Лена. В нашей с вами компании, при отсутствии посторонних, это позволительно, Сергей. Я слушаю.

– Хорошо. Лена, у нас проблема с Костей.

– Можешь ничего не говорить. Всё мне известно.

Майорова рассказала, что ещё на поступлении она была против его зачисления, но тогда начальник училища принял решение не обращать внимания на некоторые тесты в отношении Кости.

– У него есть проблемы с эмоциональной составляющей, но я не стала настаивать на отказе в поступлении, – сказала Лена, и встала из-за стола. – С его психотипом тяжело определиться. Пока в нём борется астеник и циклоид.

Сегодня, впрочем, как и всегда, наш психолог радуется своим внешним видом. Бежевая блузка, коричневая юбка, уровень которой позволяет оценить стройность и красоту её ног, и туфли на невысоком каблучке. На секунду даже я засмотрелся, но вовремя вспомнил, что Макс излишне ревнив и можно от него отхватить дружеского леща.

Дальше наша уважаемая и прекрасная Леночка Петровна принялась расписывать во всех красках, к чему склонен Костя, а к чему нет. Отметила она и влияние отца – командира авиационного полка. Вспомнились и проблемы с девушками, в том числе и с Галей Капустиной.

– А вы откуда знаете? – спросил я.

– Мы не раз уже беседовали с Костей. Он приходил ко мне на беседы, и впоследствии я заметила улучшение. Он стал взрослее, проблемы с влиянием отца начали уходить на второй план, но вот авария и его впечатления от неё со стороны теперь не дают ему спокойно спать. Он потерял уверенность в себе.

– Мы думали, что это от неизвестности по состоянию Николаича. Не так? – спросил я.

– Этим вы только всё усугубили, – спокойно произнесла Лена, мягко положив свою руку с бежевым маникюром на плечо Макса. – С другой стороны, постоянно скрывать – это тоже не дело.

– И что нам делать, Лен? – спросил Макс. – Он может не сдать экзамен. Мы видим, как у него руки дрожат рядом с самолётом перед газовкой.

– К сожалению, здесь нужен грамотный наставник, который его сможет вернуть в нормальное русло. Так сказать, покажет ему, что не так страшен чёрт, как его малюют, – сказала Лена, снимая очки и загадочно улыбаясь.

– И ты такого человека знаешь? – спросил я, на что Майорова довольно кивнула.

– Он сейчас придёт сюда.

Глава 3

Я даже не удивился, когда после крайней фразы, сказанной Леночкой Петровной, в дверь постучали. Сейчас я ожидал какого-то особенного человека. Из оставшихся в училище на данный момент известных мне «красавчиков» мысль была только о Доброве. Он и проверяющим мог бы быть, раз на руководящей должности. А главное – Геннадий Павлович, действительно, может повлиять на Костю положительно.

– Елена Петровна, разрешите войти? – произнёс Граблин, встретившись со мной взглядом, когда я подскочил с дивана.

Согласен, что в психологии я ничего не понимаю. Как мне кажется, выбор Майоровой очень неудачный. Принцип твёрдости в работе Граблина вряд ли подойдёт Костяну.

Граблин был тоже удивлён присутствию меня и Макса в кабинете у психолога. Со дня на день он должен был освободить должность, но пока этого не случилось, продолжал быть заместителем командира полка по лётной подготовке. Похоже, что его перевод состоится уже после завершения нашей лётной практики.

– Дмитрий Александрович, очень рада вас видеть, – улыбаясь, протянула ему руку Лена.

– Да, да... взаимно, Елена Петровна. У вас групповой... ну, сеанс? – спросил Граблин.

– Нет. Товарищи Родин и Курков вовлечены в дело, которое я с вами обсуждала, – сказала Майорова.

По взгляду Граблина можно было сделать вывод, что он сейчас закипит. Такой педант, каким является товарищ подполковник, должен был получить весомые аргументы, чтобы ввязаться в такую авантюру с экзаменом нашего Костяна. Да и чем он ему поможет? Только если быстрее завалить!

– Елена Петровна, вы же понимаете, о чём вы меня просите? Это должностное преступление, о котором при посторонних, а тем более курсантах, я говорить не буду, – сдерживая эмоции, сказал Граблин.

Как это ни банально, но он прав. Вот так подставляться никто не будет из начальников.

– Дмитрий Александрович, я не жду от вас полной лояльности к курсанту Бардину...

– Елена Петровна, вы именно этого и ждёте, – слегка повысил голос Граблин. – Мы не могли бы с вами разговаривать без свидетелей?

– Товарищ подполковник, разрешите обратиться? – сказал я.

– Не разрешаю, Родин. И надеюсь, вы понимаете, что ничего не слышали из нашего здесь разговора, – Граблин отчего-то стал нервным, его глаза забежали, будто он искал выход из сложного положения. – В кабинете психолога я не имею право распоряжаться, но сам я уйти могу. Всего доброго, Елена Петровна...

– Дмитрий Александрович, я бы хотела вам пожелать всего самого наилучшего, – сказала ему вдогонку Майорова. – Вам придётся нелегко в Москве.

Граблин остановился перед дверью, и снова повернулся лицом к психологу.

– Надеюсь, вы преодолеете все препятствия, как... сделали это раньше, – сказала Лена.

Граблин вздохнул и покачал головой. Кажется, Майорова знает какой-то подход к Дмитрию Александровичу.

– Я постараюсь, Елена Петровна. Сейчас, могу ли я забрать своих... подчинённых?

– Конечно. Спасибо, вам, – улыбнулась Майорова. – До свидания, товарищи курсанты.

Граблин вышел за дверь первым. Я решил, что нужно дать несколько секунд Куркову и Майоровой побыть одним, поэтому поспешил выйти в коридор и закрыть за собой дверь.

– А Курков? – спросил Граблин, поворачиваясь ко мне.

– Идёт сзади. А вот и он, – сказал я, когда Макс показался из кабинета с довольной ухмылкой.

– Чего радостные такие? Думаете, что всё, ваш парень сдал экзамен? Я его заставлю сдать на ниже, чем на хорошо. А вам, с этого момента, никаких увольнений, пока он не сдаст, ясно?

– Так точно, товарищ подполковник, – отрапортовал Макс. – А когда сдаст?

– Тогда и посмотрим. В казарму, бегом марш!

Нестеров всегда нас учил, что неуверенность в полёте, а соответственно, ошибки, появляются, когда человек не готов. Не зная материала на должном уровне и не отработав действия на земле – в полёте начнёшь тупить и ошибаться.

Как-то он сказал, что на отлично летают только птицы. У остальных выше «хорошо» оценки быть не может, но только если ты не готов на все десять баллов.

– Костян, всё получится, – говорил я ему, когда мы выполняли «пеший по лётному» на стоянке самолётов. – Оставь ты эти мысли за кабиной.

– Тебе легко говорить, поскольку уже побывал в экстремальной ситуации. А я первый раз увидел аварию вот так же, как тебя перед собой.

– Да, знакомые тебе люди катапультировались, но это наша работа. Такова жизнь лётчика... – сказал Макс, вынося перед собой модель самолёта. – Давай ещё раз пройдемся по основным этапам в завтрашнем полёте.

Костя взял в руки модель Л-29 и встал на знак аэродрома, нанесённый нами мелом на бетоне стоянки. Бардин в очередной раз повторял порядок выполнения задания. Начал он со взлёта, рассказывая каждое своё движение и отклонение органов управления.

Макс обрабатывал за руководителя полётами, отвечая на доклады Кости.

– Задание в зоне, – сказал Максим, когда Бардин остановился в трапецевидном силуэте пилотажной зоны, нарисованной красным мелом.

– Понял. Начинаю выполнение «бочки»...

– Нет. Сначала делается «штопор». Давай, как будешь делать.

По итогам проведения нашего занятия с товарищем, я сделал неутешительный вывод. Либо Костян всегда так хреново летал, не зная своего задания, либо он всё резко забыл, увидев падение самолёта и травмированного Нестерова.

Всё это вылилось в очень эмоциональную оценку от Валентиновича, после их контрольного полёта на отработку экзаменационного задания. По окончании наших вылетов, он собрал нас троих возле самолёта. Артём, по причине отсутствия допуска от врачей, занимался общественно полезными делами – в делопроизводстве бумажки перекладывал.

Нервничал командир звена изрядно, выкуривая уже вторую сигарету с момента приземления. Костян сказал, что он уже на заруливании стал прикуривать.

– Вы двое – неплохо. Сдадите, – сказал он, показывая на меня и Макса. – А насчёт тебя, Бардин, я не знаю чего и сказать. Точнее, я всё уже в полёте сказал. Это просто отверстие какое-то, а не пилотаж. Не выпался, что ли?

– Никак нет. Не пошло сегодня.

– Это когда от водки с первой рюмки хочется Ихтиандра звать, называется «не пошло». А у тебя это руки... как бы помягче сказать-то, Костя...

– Он понял, Роман Валентинович. Мы весь полёт обрабатывали вчера. Не выпался, скорее всего, – сказал я, переглядываясь с Костей. Только бы он сейчас не начал переубеждать Валентиновича в обратном.

– Всё равно не знаю, чего с ним делать. Ему тренировочный ещё лететь. Пойду с Ребровым обмозгую этот вопрос.

Идея у меня, конечно, родилась, как Бардину подготовиться получше к этому полёту. А то он так точно расшибётся и угрожает самолёт.

– Товарищ майор, – догнал я Новикова, – разрешите мне в задней кабине с ним слетать на тренировочном полёте перед экзаменом.

– Ерунду городишь, Родин. Куда ему тренировочный лететь? У него руки дрожат, как после бурной ночи, – сказал Валентинович, не останавливаясь.

– Командир, – встал я перед Новиковым, останавливая его рукой. – Я за него отвечаю. Он всё сделает как надо. Буду его страховать.

– Родин, это я буду за вас отвечать, если вы что-то не то сделаете. Давай без геройств своих. Не можешь жить без риска?

– Не могу, Роман Валентинович. И Бардин не может без полётов...

Со спины Новикова к нам подходил Граблин. Я кивнул в сторону заместителя командира, но Валентинович продолжал гнуть свою линию.

– Не может. Я посмотрю на тебя, когда Граблин будет выворачивать тебе всё наизнанку. Давно у него в кабинете был? Зайди на досуге, чтоб тебя там мехом внутрь вывернули, как поросёнка амазонского...

– Кххм, – покашлял за спиной Новикова Граблин.

На лице Романа Валентиновича читалось огромное разочарование. Выразить его можно было всего одним словом непереводимого русского фольклора.

– Дмитрий Александрович, разбираем полёт с курсантом Родиным, – сказал Новиков, поворачиваясь к Граблину.

– Это я заметил. Оставьте нас с этим поросён... то есть, курсантом.

– Да, конечно.

Как только Валентинович отошёл на достаточное расстояние, чтобы мы уже были не услышаны, Граблин достал из нагрудного кармана комбинезона небольшую сборную модель МиГ-21, длинной с небольшую линейку.

– Супруга подарила когда-то. В столе хранил. Думал, что сын родится, и к нему перейдёт, – сказал подполковник. – Как Бардин?

– Всё так же. Предложил слетать с ним тренировочный перед экзаменом, но Роман Валентинович не уверен в правильности этого решения.

– Толку в этом не будет. Его нужно как-то настроить на работу, – задумался Граблин, почёсывая подбородок.

Не сказать, что идея в моей голове родилась хорошая. Однако почему не предложить её Граблину. Заодно и он сможет себе галочку поставить, что устроил интереснейшее мероприятие.

– Есть другая мысль, Дмитрий Александрович. Что, если нам его отвлечь от полётов совсем?

– Родин, вот только не надо сейчас предлагать излюбленный способ вашей третьей эскадрильи. Бухать мы с ним точно не будем. Рано ещё, – возмутился он.

– Нет, нет! Спортивно-массовое мероприятие. Игра в футбол, например. Только нам нужно, чтобы Костян был Месси и Роналдо в одном флаконе.

– Это кто такие? Южноамериканцы? – спросил Граблин.

Я начал сразу перебирать в голове всех знаменитых футболистов этого времени.

– Ну, или Марадонна и Пеле.

– А-а-а, этих знаю. И что дальше?

– Дальше, вы на своём примере должны показать, как можно выпутываться из такой сложной психологической проблемы, как у него. Я понимаю, что для вас это запретная тема...

– Сейчас уже проще говорить об этом. Я тебя услышал, Родин. Правильную ты мысль подал, что на личном примере нужно показывать, как подобные трудности преодолеваются.

– Значит, на вас организация матча, а на мне его договорная основа.

В субботу полётов в полку не планировалось, и был объявлен день спортивно-массовой работы. Передевшись в спортивные костюмы, весь переменный состав, а это мы-курсанты, отправился на построение перед штабом полка.

Мне удалось переговорить со всем взводом, и убедить их подыграть Костяну. Приятно было слышать, что все проявили заинтересованность в этом деле, обещая помочь в выводе Бардина на первую строчку бомбардиров.

Спустя некоторое время, перед строем появился Граблин в чёрном вратарском свитере, шортах, кедах и кепке, как у Льва Яшина в своё время. В руках он держал чёрно-белый мяч и садовые рабочие перчатки.

– Товарищи курсанты, сегодня проводим мероприятия, согласно плана спортивно-массовой работы. Первый курс под руководством своего командира эскадрильи занимается на спортгородке, а второй выдвигается вместе со мной на футбольное поле.

После разделения на команды, Граблин занял место в воротах одной из команд, а Костю предусмотрительно отправили в другую. Так у него будет большой стимул для ударов по воротам, которые защищает заместитель командира полка.

Уже через пятнадцать минут появились первые уставшие от постоянной беготни по пыльной площадке. Как и было договорено, на Костю велась основная игра нашей команды. Хорошо, что Бардин относительно умел играть в футбол. По крайней мере, по мячу попадал.

К исходу получаса игры, на счету Бардина уже был дубль. Приятно были удивлены все, что Дмитрий Александрович очень профессионально стоял на воротах. В игре, как и в бане, генералов нет, так что здесь нам было позволено называть его Саныч.

Через полтора часа уже и я устал гоняться за Костей, который убежал один на один с вратарём всё чаще и чаще. Вот где не хватает системы видеоповторов и определения офсайдов, которая в моём настоящем времени практически на каждом большом футбольном матче.

– Закончили! – скомандовал Граблин. – Все молодцы, движемся в сторону казармы.

Правильнее было бы сказать ползём, поскольку все жутко устали. Даже Костян еле-еле передвигал ногами.

Именно сейчас и нужно установить этим двоим между собой определённое взаимопонимание. Граблин не дал Косте сразу покинуть поле, а немного задержал его. В итоге они шли вдвоём в конце всей нашей толпы, и, достаточно весело, обсуждали прошедшую игру.

Кажется, тот контакт, который был нужен между Граблиным и Костей, установился. В казарме Бардин ничего не рассказал нам о содержании беседы с Дмитрием Александровичем, хоть и настроение у него улучшилось.

– Костян, а как тебе столько голов удалось заколотить? – спросил Артём, раздеваясь у своей кровати в казарме.

Макс сильно толкнул в плечо Рыжова, пока тот опять какую-нибудь ерунду не спросил. От Тёмыча постоянно ждёшь чего-то подобного.

– Игра пошла. А вы видели, как Граблин вытащил из девятки? – спросил он, снимая с себя футболку.

– Занимался наверняка раньше, – сказал я. – Он, оказывается, нормальный мужик, да Кость?

– Подтверждаю. Кстати, не сказали, кто у нас на экзаменах будет проверяющими?

Этот вопрос остался без ответа. Его мы узнали в понедельник, когда Ребров проводил своё утреннее построение. В свойственной для себя манере и с присущим ему колоритом, говорил подполковник напутственные слова, прохаживаясь перед строем.

– Завтра летаете тренировочный в зону. Одни или с кем-то – решим сегодня. А далее экзамен, я прав?

– Так точно, – хором ответил наш строй.

– Вода проточно! Экзамен... Что есть экзамен для курсанта? По мне, так это ещё один полёт, только по-другому называется. Чего не скажешь об инструкторе этого курсанта, командире звена, эскадрильи и так далее, – при этих словах Гелий Вольфрамovich сделал паузу и повернулся к строю. – Для нас это хождения по пустой стоянке, перебежки от одного прове-

ряющего к другому, пара пачек выкуранных сигарет и сотен уничтоженных нервных клеток. И это только на этапе запуска!

– Комэска больше нас переживает, – шепнул мне Артём. – У меня завтра комиссия по медицине. Возможно, допустят чуть раньше. Смогу и в отпуск уйти вовремя.

– Это хорошо. А то Света небось думает, два года предложение делал, теперь ещё столько же свадьбу играть будете, – ответил я, на что Рыжов ухмыльнулся.

– Я вообще ни разу не шучу! К третьей эскадрилье и так постоянное повышенное внимание. Мы по всем статьям на первом месте. Кое-где даже в лучшую сторону выделены. Точнее сказать, в одном моменте – в показателях лётной подготовки.

– А по другим, товарищ командир? – спросил из строя Новиков.

– По другим мы отвечаем главному признаку мастерства – постоянство. Постоянно в... начинке эскадрильского туалета! – по строю прокатилась волна смеха. – Отставить смех! Как можно умудриться иметь почти девяносто пять процентов отличных оценок по всем видам лётной подготовки, и при этом получить за прошлую неделю выговоров и нарядов на работы больше, чем у всего полка за месяц?! В каких местах, товарищи курсанты, у вас пропеллер? Скажешь, Курков?

– Никак нет! Отсутствует пропеллер.

– Что, конструкцией не предусмотрено? Я его вам приделаю, товарищ сержант. А остальным засуну в такие места вот эти ваши... выговора и наряды, чтоб аллергия у вас потом открылась... пчххии! – оборвал свою реплику Ребров.

– Будьте здоровы! – хором ответил наш курсантский строй.

– Будешь тут... с вами здоровым, – сказал комэска, вытираясь носовым платком.

К строю приближался Граблин, одетый не как обычно в лётный комбинезон. В полку офицеры редко надевали повседневную форму, отдавая предпочтение комбинезону. Требовалось только, чтоб он был аккуратным и чистым.

Сейчас подполковник был одет в парадно-выходную форму – фуражка синего цвета с голубым околышем, открытый китель, который нередко называли в каких-то документах мундир, и брюки навыпуск синего цвета, белая рубашка с темно-синим галстуком, черные ботинки.

Естественно, что все обратили внимание на награды Граблина, коих у него скопилось не особо много. Но привлекло внимание, что у Дмитрия Александровича есть планка ордена Красного Знамени. Очень серьезная награда. После всех советских медалей стояла колодка неизвестной мне цветовой гаммы – сине-желто-чёрная. Не помню я в наградной системе таких планок. Граблин в очередной раз пытается меня удивить.

– Не подавайте команду, Гелий Вольфрамovich. Вы позволите мне взять слово? – спросил Граблин, хотя, зачем ему это делать. Он пока ещё начальник для Реброва.

– Да, конечно, – сказал Ребров.

– Офицеров можно отпустить. Я с курсантами переговорю сам.

Через минуту мы остались с Граблиным. Он ещё что-то обсудил с Ребровым и отпустил его.

– Погодка жаркая сегодня, а моя форма одежды не предназначена для таких долгих походов, – сказал Дмитрий Александрович, снимая фуражку и вытирая вспотевший лоб платком. – Как настроение перед экзаменом? Курков?

– Я, товарищ подполковник! – откликнулся Макс.

– Все готовы к экзамену физически, теоретически, а главное – морально?

– Так точно!

Граблин окинул взглядом строй. Начало его речи совершенно ни к чему не располагает. Пока я не понимаю причины подобной беседы.

– Есть из вас те, кто боится? Прошу ответить честно.

Я посмотрел по сторонам, увидев замешательство среди ребят. Особенно, стушевался Костян. Похоже, что Граблин начал готовиться к полёту с ним прямо сейчас. Что ж, надо и свою лепту внести, как в случае с футболом.

– Я боюсь, товарищ подполковник! – выкрикнул я из строя, поднимая руку вверх.

– Только один?

– Руку подними, – шепнул я Артёму. – Не ссы, не выгонят.

– Я тоже, – поднял руку вверх Рыжов. Наш посыл был после этого поддержан и Максом.

– Я... боюсь, – неуверенно, но всё же сказал это и Костян.

– А остальные? Нет? Тогда вы не совсем честны сейчас передо мной, – спокойно сказал Граблин. – Боятся все, и это нормально. Мы по своей природе заложены с инстинктом борьбы, будь-то с противником или с самим собой. Бороться со страхом – это одна из задач лётчика. Я сам боюсь летать, а насмотришься на ваши распечатки с объективного контроля, вообще можно коньки отбросить.

По строю пробежала волна смеха, да и сам Граблин заулыбался.

– Ваша главная задача – этот страх побороть. Все через это проходят. И все его побеждают. На счету страха нет ни одной победы.

После построения Граблин снова отвёл в сторону Бардина. Как и после футбола, я заметил, что расстались они на хорошей ноте. Уже в классе Костян нам рассказал, что завтра полетит тренировочный с ним, и Граблин обещал ему рассказать, о своём ордене Красного Знамени. Вот продолжает меня удивлять этот офицер!

– Мужики! Список есть, кто с кем летит на экзамене, – влетел в кабинет Макс. – Мне повезло – лечу с Ребровым.

Если честно, с кем лететь – мне было уже всё равно. Однако не лететь совсем – вот это была новость!

– Меня вообще нет в этом списке, – удивился я. – Это же на всех приказ?

– Здесь все. Ну, кроме Тёмыча. Все двадцать семь... а нет. Здесь двадцать шесть человек. Тебя и, правда, нет.

Глава 4

Непонятная ситуация, сложившаяся с этим списком, меня не то чтобы нервировала... Она меня взбесила! У меня может хоть когда-нибудь пройти всё гладко? Вечно через заднее отверстие.

– Серый, может, мне не тот список дали? Пойду узнаю у Новикова, – сказал Макс, собираясь уже выходить из кабинета.

– Да, ладно, – отмахнулся я. – Шас какой-нибудь Швабрин придёт, запыхавшийся со словами «Родин, срочнааа! Ещё вчера надо было тебя отчислить».

Только я закончил притворяться старлеем, как он заглянул в кабинет. И был действительно запыхавшийся.

– Родин, срочнааа, – тяжело дышал Иван Фёдорович. – Живее?

– Наверное, ещё вчера надо было? – спросил ошарашенный Макс.

– Курков, у Ванги учился предсказаниям? Конечно, ещё вчера!

Похоже, это я у меня родственные связи были с этой провидицей. Сам от себя порой в шоке.

– Иван Фёдорович...

– Потом, Родин. Там... – перебил он меня, когда мы шли быстрым шагом на первый этаж штаба.

– Небось приехал большой тип с какой-то проверкой, хочет проверить курсантов, и вы теперь меня ему на съедение отдадите?

– Ты че? Всё знал и не пришёл сегодня к кабинету командира полка? – остановился Швабрин, тыкая в меня пальцем.

– Нет. Просто у меня постоянно под конец лётной практики какой-то триндец случается.

– Тогда ладно.

– И почему меня нет в списке с проверяющими? Не допускаете к экзамену, пока с этим дядей не слетаю?

– Родин, осядь. Это ж непростой дядя, – сказал Швабрин, поднимая указательный палец вверх.

– Мне с кем ещё прикажете слетать? С главкомом теперь? Так вроде маршал Кутахов уже давно не летает на истребителях.

– Вот откуда ты такой умный взялся! – махнул рукой Швабрин и продолжил движение. – А про Кутахова, это правда, что он не летает? – тихонько поинтересовался он.

– Предположение, подкреплённое расчётом его возраста. Ему шестьдесят четыре года уже.

– Мне такие подробности неизвестны, но то, что он Главный маршал, мог бы и запомнить.

По мне так разницы никакой. Вообще, фигура главнокомандующего ВВС Советского Союза Павла Кутахова очень известна даже в моё время.

Можно сказать, что это легендарный военачальник. Дважды Герой Советского Союза, четырежды награжден орденом Ленина, ветеран Великой Отечественной войны. Сам британский король Георг VI наградил Павла Степановича орденом Британской Империи 4-го класса.

До конца своей жизни он оставался на посту главкома ВВС. Находясь в этой должности, он и скончается в декабре 1984 года.

Перед дверью Доброва мы остановились на пару минут, пока Швабрин глубоко дышал, восстанавливая дыхание. Надо ему себя уже в руки брать, а то я заметил, что с прошлого года он поднабрал в весе.

– Похудеть вам надо. Отдышка появляется, Фёдорович. Физо как сдавать потом будете? – спросил я.

- Родин, я тебя давно не посылал?
- Каждый день пытаешься. А я всё не иду.
- Вот-вот. Ладно, пошли.

Постучавшись, Иван Фёдорович спросил разрешения войти. Я проследовал за ним, и оказался в очень напряжённой обстановке. Концентрация начальников на квадратный метр была колоссальная, а сигаретный дым мешал нормальному обзору. Окна бы открыли, товарищи полковники!

– Палыч, открой окно. Накурили, понимаешь, тут, – сказал один из них. Этого человека раньше мне видеть не приходилось, но кого-то мне его лицо отчётливо напоминало.

– Сергеевич, ты чего думаешь по этому поводу? Командирские же полёты надо провести сначала? – задал ему вопрос Крутов, который что-то черкал карандашом на большом листе плановой таблицы полётов.

– Командир, я думаю, вот так надо оставить, и всё. Давайте на обед уже, – сказал полковник Гурчик, заместитель по лётной подготовке училища.

Помню его по учёному совету, где рассматривали мой инцидент с Баля. Так и не хочет работать.

– Тебе лишь бы поесть. Так чего, Сергеевич? – вступил в разговор Борщев. – Мы сейчас раскидываем себе первый курс. Управление полка берёт на себя экзамены на втором курсе. А ты без курсанта остаёшься.

– Конечно. Начальник боевой подготовки училища летать не должен. Я вам сказал, мне со второго курса дайте кого-нибудь.

Пока что нас никто не замечал. Швабрин указал мне стоять здесь, а сам прошёл мимо стола, за которым шёл спор полковников и делёжка курсантов, к Доброву.

Суть этого обсуждения я уловил. Планируются командирские полёты с привлечением к ним начальства училища. Вот только есть одна маленькая ремарка к ним, с которой я ещё в этой жизни не сталкивался. В прошлой тоже.

– Владимир Сергеевич! Кутахов же приедет не просто так посмотреть. Ему надо пилотаж показать, покрутиться перед ним. Командир не может. Так что давай ты демонстрацию устроишь, а? – внёс своё предложение Добров.

– Я тебе в сотый раз говорю, Палыч. Маршал скажет, чтоб всё начальство летело с курсантами. Отработаем мы с этим второкурсником в зоне, а потом и на пилотаж над точкой зайдём, через конвейер, – ответил этот Сергеевич.

Да почему мне его лицо знакомо? Будто я его на каком-то бюсте видел и в фотографиях в училище. Хотя, я уже столько исторических для нашей авиации личностей встретил в этой жизни!

– Ладно, – махнул рукой Крутов, вставая со своего места. – Где он, Геннадий Палыч? – обратился он к Доброву.

– Вот, курсант Родин, собственной персоной. Сергей Сергеевич, вы готовы к завтрашним полётам?

– Так точно. А можно...

– Можно. Даже нужно! – прервал меня Крутов. – Тренировочный полёт завтра полетишь с полковником Михайловым, моим заместителем. Знакомьтесь, кстати.

– Владимир Сергеевич, – протянул он мне руку, которую я пожал, не скрывая восторга. – Сильно не жми. Нам завтра ещё лететь.

Когда я сегодня сказал Швабрину про возможность лететь с главкомом, я и не предполагал, насколько окажусь прав. У меня вообще сегодня день предсказаний. Будто зелье какое выпил.

Владимир Сергеевич Михайлов, пожалуй, личность легендарная. Через два года он возглавит Борисоглебское лётное училище. После распада СССР будет командовать авиацией

Северо-Кавказского военного округа, позже переименованной в 4-ю воздушную армию и будет непосредственно руководить ею в период Первой Чеченской войны. Даже находясь на такой высокой должности, как командующий армией, сам будет активно выполнять боевые вылеты.

Позднее в 1996 году будет удостоен звания Героя Российской Федерации. Владимир Сергеевич и правда в будущем станет Главкомандующим ВВС России. Произойдёт это в 2002 году.

Мне довелось общаться с ним лично в прошлой жизни, а теперь и в этой. Парадокс!

– Родин, готовимся спокойно. Полёт у нас с тобой несложный по программе. После обеда «пеший по лётному» отработаем и завтра опробуем, – сказал Михайлов.

– Ты точно готов? Владимир Сергеевич тебя завтра на сложный пилотаж потащит, как он любит? – улыбаясь, спросил меня Борщёв.

– Максим Викторович, вы на лицо этого Родина посмотрите. С таким лицом хоть завтра в бой. Полетим со мной, Сергей Сергеевич?

А чего ж не полететь с будущим главкомом!

Пожалуй, так долго у меня никогда не тянулось ожидание полётов. На следующее утро после предполётных указаний, я бежал к самолёту, чтобы произвести осмотр.

Михайлов появился чуть позже. В фуражке и светлом комбинезоне, он разительно выделялся на фоне темных тонов летного и технического обмундирования остальных участников производства полетов.

– ППК одел? Вижу, что одел. Готов? – спросил он, осматривая правильность одетого мной противоперегрузочного костюма.

Цельной одеждой это нельзя назвать. Больше похоже на штаны с высоким поясом, затягивающиеся на шнуровку.

Согласно его технического описания, ППК-1У представляет собой пояс с брюшной камерой и двумя штанинами с камерами в области бедер и голени. Промежность и колени открыты, хотя их бы тоже компенсировать надо во время перегрузок. Особенно переживаешь за промежность.

Когда выполняешь полёты на сложный пилотаж, испытываешь на себе перегрузку до нескольких единиц. Части костюма обжимают переднюю стенку живота и мышцы ног, тем самым не дают крови оттекать в нижние части тела. Если быть точным, постоянно улучшается кровоснабжение верхних частей.

Брюшная камера, создавая давление на живот, фиксирует внутренние органы, предохраняя от смещения.

Давление в камере автоматически изменяется от величины перегрузки автоматом давления, установленным на самолёте. В общем, тебя поджимает во всех местах.

– Так точно, товарищ полковник.

– Значит, смотри, летишь ты, я контролирую. Схвачусь только, если будем вниз лететь, и то сначала тебя предупрежу, – сказал Михайлов, надевая свой шлем ЗШ-3.

Сегодняшняя смена должна была стать репетицией перед завтрашним генеральным показом для высоких гостей.

Основную работу – наведение порядка везде, где его только можно навести – делали не участвующие в полётах. А так как все курсанты на этой практике заняты, на помощь выделен дополнительный личный состав с центральной базы училища.

– Командир, а разрешите узнать, что за мероприятие планируется? Готовимся просто так усердно, – решил поинтересоваться я у Михайлова, когда мы подрулили на пост технического осмотра.

– Сборы руководящего состава ВВС всея Руси в этом году решили провести в Белогорске. Маршал Кутахов – мужик серьёзный. Обязательно захочет посмотреть на курсантов.

После визуального доклада от техника, я запросил разрешение занять полосу для взлёта. Невысокого роста парень, как только мы струнулись с места, проводил самолёт поглаживанием по крылу, в знак напутствия. К своим машинам у технического состава всегда трепетное отношение.

– Восемьсот восьмидесятый к взлёту готов, – доложил я руководителю полётами.

– Вас, понял. Всем доброго утра! Для вас сегодня работает группа руководства полётами, начало полётов на аэродроме Белогорск... – начал зачитывать необходимую информацию руководитель перед началом лётной смены, тем самым давая старт полётам.

Сегодня я в первый раз в качестве первого взлетающего экипажа.

– Восемьсот восьмидесятый, взлёт разрешил, – дал команду руководитель, и я вывел обороты двигателя на «Максимал».

Разгон до нужной скорости и отрыв. Заняли курс в зону один, начиная набирать высоту две тысячи.

– «Этот день победы, порохом пропах. Это праздник с сединой на висках», – запел знаменитую песню Михайлов. – Ты меня слышишь, Сергей? – спросил он.

– Так точно.

– Вот. Сам откуда?

– Владимирск, товарищ командир, – ответил я.

– Знаю. Сорвиголовы там у вас в испытателях, – сказал он. – Это я так говорю, потому что в их работе по-другому нельзя. Порой от документов приходится отступать, чтобы выполнить задание. Да как и в любом боевом вылете.

Центр зоны заняли через пару минут после взлёта, и я запросил разрешение на выполнение задания.

– Скорость триста пятьдесят. Начинаю «восьмёрку» с креном шестьдесят градусов, – сказал я по внутренней связи и ввёл самолёт в разворот.

Плавно отклонил ручку вправо, соразмерно с этим отклонив педали. Вот крен подошёл к сорока пяти. На этом моменте ручку следует выбирать слегка на себя, чтобы увеличивалась угловая скорость. При этом отклоняем рычаг управления двигателем, добавляя обороты.

– Крен пятьдесят градусов, что будешь контролировать? – спросил полковник по внутренней связи, когда силуэт самолёта на авиагоризонте АГД правым крылом отклонился на данную величину.

– Обороты должны быть девяносто семь процентов.

– Верно.

Вывод из виража начал за тридцать градусов до намеченного мной курса, чтобы сохранить скорость триста пятьдесят.

– Обороты... девяносто, и... влево, – сказал я по внутренней связи, переключая самолёт с одного направления виража на другое.

– Плавнее. Резко не надо, – спокойно сказал Михайлов. – Иии... вот хорошо.

– Обороты девяносто семь... установил.

После завершения этой фигуры и отработки ещё пары маневров, пришла пара более серьёзных элементов.

– Вот теперь следующий уровень. Какой сейчас комплекс? – спросил Владимир Сергеевич.

– Переворот – петля Нестерова – полупетля, – сказала я, выводя самолёт в горизонтальный полёт после выполнения «горки».

– Поехали!

Скорость уже я загасил до двухсот пятидесяти. Теперь следовало установить угол кабрирования на пятнадцать-двадцать градусов, взяв ручку на себя. И снова переключаем самолёт налево, чтобы оказаться вверх колёсами. Тут важно хорошо быть пристёгнутым, чтоб тебя не

болтало в кабине. А также не забыть это перевернутое положение зафиксировать, выставив педали и ручку управления самолётом в нейтральное положение.

Выдержал две-три секунды, и ручку снова на себя, выполняя тем самым пикирование.

– Обороты «Максимал», – сказал я, контролируя набор скорости по прибору. Понемногу, но в кресло начинает вдавливать.

Скорость пятьсот пятьдесят километров в час, и снова ручку плавно на себя, контролируя отсутствие крена. Указатель перегрузки начинает показывать значение в три единицы, но это ещё не предел.

Угол на кабрировании тридцать градусов, и про себя начинаешь считать до трёх. Ручка управления при этом становится мягче, а ты продолжаешь «выбирать слабинку», отклоняя её на себя. Вот уже и угол становится пятьдесят градусов, а перезагрузка все пять единиц. Вдавливает тебя в кресло, особенно в районе спины и таза.

Взгляд вверх на горизонт, который уже поравнялся с обреза приборной доски. Скорость в верхней точке сто восемьдесят, а значит, следует прибрать обороты двигателя до восьмидесяти процентов и продолжаем пикирование.

– Скорость триста пятьдесят, начинаем выводить, – сказал я, выравнивая самолёт по горизонту.

– Хорошо. Давай полупетлю.

Обороты «Максимал», и снова разгоняемся до пятисот пятидесяти, ручка на себя, считаем до трёх, начинаем плавно ложиться на спину. Нос самолёта подходит к линии горизонта, но нам второй петли не надо. Смотрим, когда останется десять градусов, а скорость – двести, выполняем «полубочку», развернув вокруг продольной оси самолёт на сто восемьдесят.

– Это только первый комплекс. Переходим ко второму. Давай, Сергей.

После задания в зоне, я запросился выйти на аэродром.

– Сопка, Восемьсот восьмидесятый, в первой задание выполнил. Высота две тысячи. Вход к третьему на пятьсот, – запросил я у руководителя полетами.

– Вас понял, Восемьсот восьмидесятый. Ноль-ноль четвертый, вторую часть задания планируете? – запросил он у Михайлова.

– Сопка, Ноль-ноль четвертый, точно так. Работа над точкой пять минут.

Интересно сейчас будет посмотреть, насколько много мне ещё нужно работать, чтобы дотянуться до уровня Владимира Сергеевича. Сейчас он должен будет открутить пилотаж, а я буду просто за этим наблюдать из кабины.

– Сопка, мне ещё, посадка, взлёт «конвейер», – запросил я при проходе дальнего привода.

– Восемьсот восьмидесятый, разрешил.

– Выполняешь посадку, а я скажу, когда управление возьму, а то я засиделся чего-то. Скучно с тобой, Родин. Не знаю, до чего докопаться, – сказал мне полковник по внутренней связи.

Выравниваю самолёт, взгляд вперёд и влево. Есть касание основными колёсами и плавно опускаем нос.

– Закрылки во взлётном, обороты «Максимал», – сказал я по внутренней связи.

– Сопка, Ноль-ноль четвертый, взлёт, управление принял, – доложил в эфир Михайлов, и я почувствовал, что самолётом уже управляю не я.

– Ноль-ноль четвертый, разрешил, работа над точкой.

– Ноль-ноль четвертый, понял.

С товарищем полковником в пилотировании мне не сравниться ещё очень долго, возможно, и никогда. Всё быстро, а главное – правильно. Параметры выдержаны чётко, без каких-либо отклонений.

После посадки Владимир Сергеевич всё-таки нашёл несколько ошибок в моём полёте. Очень профессионально, словно на приёме у врача, он рассказал, как и что нужно исправить.

Провёл обследование и поставил свой диагноз – самая подходящая фраза, которая характеризует наш с ним разговор.

– Я считаю, Сергей, ты успешно сегодня слетал. Работай дальше. До завтра, – сказал Михайлов и пожал мне руку.

Он удалялся со стоянки, направляясь в сторону КДП, где стоял его служебный УАЗ, а я не смог отвести взгляда.

– Серёга, я слетал! И нормально получилось, – подбежал ко мне сзади Костя, на ходу пытаюсь выскочить из своего противоперегрузочного костюма.

– Вот видишь, а ты боялся. Ну, хорошо, что у тебя всё хорошо, – сказал я. – Тебе Граблин поведаль про орден Красного Знамени?

– Про это нет. Он всё больше о своей дальнейшей службе. Он, кстати, в Москву переводится не на лётную должность, представляешь?

Вот теперь я совершенно не понимаю Граблина. Как можно было здоровому человеку, а у Дмитрия Александровича со здоровьем проблем не наблюдается, отказаться от лётной профессии?

– Не представляю. Это из-за дочери? – спросил я.

– Какой дочери?

Вот ты, Серый, оболтус! Если и узнают про Сонечку, то пускай не от тебя. Ты ж обещал Граблину не трепаться языком.

– Ааа, про Сою! – воскликнул Костя, продолжая пытаться стянуть с себя костюм. – Рассказывал, что он один её воспитывает, но ей нужно специальное образование. Она, вроде, вундеркинд. Вот Дмитрий Александрович и переводится на Чкаловский в дивизию на какую-то должность, но не летать.

Обдумать такую новость у меня не вышло. Со стороны штаба полка в нашу сторону бежал Артём. Счастливым, волосы назад, пару раз чуть не упал, но мчался дальше.

– Костян, Серый! Я вам щас такую новость... скажу... ох щас... отдышусь, – сказал Артём, добежав до нас.

– Ну ты и быстриногая лань, – со спины подошёл к нам Макс в расстёгнутом комбинезоне.

– Короче, вы не поверите!

– Поверим. Света беременна, – уверенно сказал я.

– Да ладно! От кого? – удивился Артём.

– Так от тебя же, – хлопнул его по плечу Макс.

– Откуда ты знаешь? – ошарашенно закричал Темыч, сбрасывая его руку. – А я почему не знаю?

Похоже, моё предположение было неверным. Теперь Артём будет сомневаться, пока к гинекологу со Светой не сходит. Внёс, Серый, ты сумятицу в тихую жизнь будущей семьи.

– Тёмыч, а ну, на гашетку тормозную нажми. Я предположил просто. Ты же так бежал к нам новостью какой-то поделиться. А какая крутая весть ещё может быть, как ни рождение ребёнка, – объяснился я, подойдя к Рыжову вплотную.

– Ладно. Не поняли мы друг друга. Короче, не будет приезда шишек. Завтра простые полёты. Ну как простые, экзаменационные и на этом практика заканчивается. Классно, же?

Странная радость у Артёма. По мне так, я бы хотел увидеть вживую главкома ВВС, целого главного маршала авиации. Ну нет, так нет.

– А чего ты такой счастливый тогда? – недоумевал Макс.

– Так... мне теперь не надо бумажки перебирать. И медицину я быстро прошёл. Допущен к полётам.

Я искренне обрадовался за нашего товарища, и хлопнул ему «пятюню». И, правда, хороший сегодня день. Полёт был ровный, ребята все довольные. Только бы ничего его не испортило.

– Родин, ко мне! – крикнул издали Ребров.

Комэска в очередной раз проводил с одним из техников разъяснительную работу. Как это ни странно, сейчас дело касалось формы одежды.

– Ты в каком болоте ковырялся, Гугичев? От тебя кикиморы даже шарахаться будут, когда ты к ним в поместье угодишь, – указывал Вольфрамovich технику на его измазанные какой-то глиной ботинки.

– Товарищ командир, ну нас отправили на яму, в которую курсант приземлился. Туда и кресло упало...

– Да Рыжов чище выглядел, когда вылезал оттуда. А он туда нырнул «щукарём». Отчистить свои штиблеты, чтобы я бриться мог с их помощью.

– Это как?

– Головой об косяк! Отражение, чтобы я мог своё там видеть, и мне доложишь.

Техник Гугичев стартанул с места, чтобы устранить замечание. Ребров, пару раз глубоко вздохнул, прежде чем подойти чуть ближе ко мне.

– Родин, как полёт? Михайлов доволен?

– Так точно. Небольшие замечания есть, но не критичные. Вы меня вызывали?

– Ага. Фух, ну Гугичев! Попался на глаза в таком виде кому-то из начальников. Запах такой, что все вокруг чуть свой завтрак не увидели в переваренном состоянии, – сказал подполковник, протирая лоб от пота. – Переодевайся и дуй в учебный корпус училища.

– А куда именно?

– На беседу. Особист чего-то от тебя хочет.

Глава 5

Рабочий кабинет майора Полякова находился на первом этаже учебного корпуса, не располагая к тому, чтобы контролировать руководство училища. Однако за стенкой была комната дежурного. Оттуда товарищ особист мог черпать нужную ему информацию, быть в курсе всех дел и ставить себе пометки в блокнотике.

– Разрешите войти, Михаил Вячеславович? – спросил я, открывая тяжёлую железную дверь.

Поляков беседовал с кем-то по телефону, поэтому просто кивнул мне и указал на стул перед столом, разрешая тем самым войти.

Я постарался как можно тише закрыть дверь, но ввиду сквозняка этого сделать не удалось. Грохот был солидный. Повернувшись снова лицом к Полякову, он посмотрел на меня, показывая жестом на дверной замок. Мол, чтоб его закрыл. Что-то интересное намечается в нашем разговоре, раз он решил закрыться. На этом меры предосторожности не закончились.

– Минуту, – сказал в трубку особист, подошёл к окну и закрыл его.

Можно было бы подумать, что он собрался меня здесь запарить, устраивая такую баню в самый разгар лета. Однако в кабинете майора оказался самый нужный предмет в это время года, и это не бутылочка холодной минералки.

Поляков включил в розетку огромный пластиковый ящик, который сразу же грозно зарычал. Именно такими были наши советские кондиционеры – надёжные и шумные. Надпись на этой модели гласила БК-1500.

– Продолжайте, – сказал в трубку Поляков, ещё раз указав мне на стул.

Для себя я сделал вывод, что особист любит спорт. В кабинете несколько вымпелов спортивных обществ, а также две интересные газеты, помещены в рамки.

Это было воскресное приложение к еженедельнику «Советский спорт» за 1975 год. На одном большая фотография игроков киевского футбольного «Динамо» и заголовок «Путь пройден до конца». В том году впервые в советской истории второй по значимости европейский клубный трофей – Кубок обладателей Кубков – уехал в Советский Союз. Рядом эта газета того же года, только уже октябрьская. Здесь киевляне забирают себе ещё и Суперкубок Европы, обыгрывая знаменитую «Баварию».

И ведь через несколько лет киевляне снова возьмут Кубок Кубков. Полякову надо сказать, чтоб готовил ещё одну рамочку. А точнее, две. Чуть раньше, в 1981 году, динамовцы из Тбилиси возьмут тот же трофей.

Помимо увлечений футболом, особист явно любил заниматься и силовой подготовкой. В углу стояли две гири по двадцать четыре килограмма и две маленькие гантельки. Турника ему не хватает ещё.

– Понял. И? – спросил Поляков у своего собеседника по телефону. – И? И что?

Немногословен Михаил Вячеславович в разговорах. Такая уж работа. К каждому должен быть свой подход. Этот разговор был закончен им без слов прощания. Просто положил трубку и пристально посмотрел на меня.

– Сергей Сергеевич, как ваши успехи? Давно о вас ничего не было слышно, – сказал Поляков, отклоняясь назад.

– Летаем, учимся. Думаю, вы лучше меня знаете, чем я занимаюсь.

– Такая уж у меня работа. Необходимо всё контролировать. Вы спрашивали, для чего я вызвал вас?

– Я не спрашивал этого.

Какая-то странная беседа получается. Сразу начал мне приписывать слова, которые я не говорил. Пускай и безобидные. Но эти ребята могут и более веские найти фразы.

– Ну, будет вам. А вы неплохо следите за своей речью.

– Слежу.

– Держитесь уверенно.

– Держусь.

– Интересуетесь о многом.

– Интересуюсь.

И ждёт же, когда я устану и начну нервничать. Подцепить пытается, чтоб на эмоции вывести.

– Так вы и не послушали меня. Продолжаете интересоваться делами давно минувших дней? – спросил Поляков, наклонившись ко мне ближе.

– Продолжаю, – ответил я, на что майор снова улыбнулся.

Он полез в стол, и достал ту самую папку с номером 880. В ней когда-то были документы об инциденте с Баля. Сейчас бумаг в ней прибавилось.

– Не пересекались с товарищем Баля?

– Не пересекался.

– А вы всегда так односложно отвечаете? На ученом совете вы произносили более пламенные речи. Я бы хотел послушать более развёрнутые ответы на свои вопросы, – сказал Поляков, перекладывая бумаги в папке и, не сводя с меня глаз.

– Всегда так отвечаю. Такой ответ устроит вас?

– Вполне. Тогда, вынужден вас огорчить, товарищ Баля избежал тюремного срока за свои деяния. Условно получил год. Его подельники не найдены. Вас устраивает подобный вердикт?

– Так точно. Может, к делу перейдём? – спросил я. Скучно уже как-то с Поляковым стало сидеть.

– О каком деле хотите поговорить?

– Вызвать к себе курсанта, закрыться на все замки, ещё и включить шумное устройство – вы со мной штурм резиденции президента США хотите обсудить?

– Это мероприятие мной не планируется. А вот пресечение раскрытия секретной информации, которой с вами делятся некоторые офицеры Белогорского полка, я бы хотел произвести. Когда успокоитесь, Сергей? Отца и матери уже нет. Стройте свою жизнь без оглядки на прошлое.

Как заговорил товарищ майор! Прямо добра мне желает. Хотя, он мне действительно ничего плохого не сделал. Наоборот, его вмешательство расставило все точки в моём конфликте с Баля.

– Тот, кто не знает прошлого, не имеет будущего, Михаил Вячеславович. Если бы мне кто-то рассказал о гибели отца и матери, я бы сразу всё закончил.

– Вы же понимаете, что просите невозможного. Я вам тут не помощник, – сказал Поляков и снова откинулся назад. – Но не советую, пользоваться моим хорошим расположением к вам. Прекратите попытки докопаться до правды. Этим вы сможете обезопасить себя от нежелательных последствий, и другим жизнь не портить.

Громкое предупреждение от майора. Стоит ли его бояться? Сейчас сказать трудно. Остерегаться точно стоит.

– Я могу идти?

– Да, пожалуйста. Рад был пообщаться, – весело сказал Поляков, протягивая мне руку, которую я пожал. – Вам очередной привет от Краснова. Кстати, он отдыхает в Белогорске со своей семьёй. Даже внука взяли с собой.

– Всего доброго, – сказал я и вышел из кабинета.

Не зря вызывал меня особист. Сначала предупредил, чтоб не ввязывался в раскрытие государственных секретов, а теперь, будто из хороших побуждений, сообщил о пребывании товарища Краснова в нашем городе. Ещё и про Аню напомнил.

При одной только мысли об этой девушке начинают бурлить воспоминания моего реципиента. Чего ж так не получается выкинуть её из головы?

Встретиться с Красновым надо, только где его искать. Есть идея, что раз он здесь, то, может, захочет пообщаться со своими коллегами по Вьетнаму – Добровым и Борисовым. Стоит их поспрашивать.

Экзаменационный полёт был мной выполнен с оценкой «отлично», хотя и не без замечаний. Полковник Михайлов был сдержан на похвалы в мой адрес, но когда чувствуешь, что у тебя самого получилось хорошо отлетать, лишние овации, ни к чему.

– Курсант Родин, ваша оценка «отлично». Поздравляю с окончанием обучения на Л-29. Возможно, пересечёмся уже на следующем вашем этапе. Удачи, сынок, – сказал Владимир Сергеевич, расписался в моей лётной книжке и пожал мне руку.

– Товарищ генерал... виноват, товарищ полковник...

– Не торопись! Я, конечно, не против быть генералом, но пока рано, – улыбнулся Михайлов. – Чего хотел?

– Как думаете, вы сможете отстоять училище, если его... вдруг решат закрыть? – спросил я.

– Родин, ты чего? Зачем училище закрывать? У нас старейшее после Качи учебное лётное заведение. О таком даже не думай, – похлопал он меня по плечу. – Из-за инцидентов и аварий никого закрывать не будут. Ты поэтому спросил?

– Да, – соврал я, зная будущую судьбу нашего училища. – Просто так большие начальники не приезжали бы.

– Да забудь ты про них. Не приедут уже, – отмахнулся Владимир Сергеевич, снимая фуражку. – Это моё родное училище. За него я всегда буду стоять горой. Но там наверху и без меня найдутся люди, способные его отстоять.

Так же, как и вчера, он удалялся от меня. В его слова хотелось верить и верилось. Но будущее я уже знаю.

Михайлов до конца будет отстаивать Белогорское училище, даже будучи военным пенсионером. Честь ему и хвала за это. Однако этого будет недостаточно, чтобы сохранить учебное заведение.

В сентябре 2011 года на том самом плацу, где когда-то и Владимир Сергеевич сам стоял в строю курсантов, произойдёт прощание с боевым знаменем. Все будут ждать его выступления, но он так и не появится перед строем. Ему будет тяжело видеть эти «похороны» училища, которое он пытался сохранить до последнего дня.

И вот, когда уже все мероприятия, предусмотренные этим ритуалом, закончатся, а начальник училища будет готов дать команду на прохождение торжественным маршем, генерал армии в отставке, Герой России Михайлов появится перед строем курсантов и скажет своё слово. Кто знает, насколько тяжело ему было в тот момент.

А вот кому совсем не тяжело, так это нашему Валентиновичу, который... пропал. Не попадался нам на глаза и Костян. Полёты уже закончились, а его всё не видно. Естественно, событие с отсутствием Бардина заняло большую часть вечернего выступления комэски Реброва.

– Кто видел товарища Бардина? Признавайтесь и тогда я вас угандошу несильно. Остальные пойдут у меня копать, пока этот весельчак не появится в моём кабинете.

– Товарищ командир, а что копать? – спросил из строя Швабрин.

– Что копать, Иван Фёдорович? Есть тут одна работёнка, которая перепала нашему полку, – сказал Ребров, разворачивая какую-то бумагу.

– Разрешите встать в строй? – появился наконец-то Костя с какой-то небольшой коробкой в руках.

По его счастливому виду было ясно, что всё у него получилось. Молодец, товарищ подполковник Граблин!

– Живее, Бардин. На чём я остановился?

– Всё у нас плохо, товарищ командир, – выкрикнул кто-то из строя.

– Ага. У нас полная задница! И есть у неё название – телефонный кабель. Его будут тянуть от нашего города до Сметановки. И нас в вежливом приказном порядке пригласили принять в строительстве этой магистрали непосредственное участие.

Слова в строю «твою мать!», «кабздец» и их более жёсткие производные, моментально разнеслись по всему плацу.

– Рты закатали, пока я вам не вкатил! Нашей эскадрилье достался самый лучший участок – между Орловкой и Сметановкой. Не возбужать, а завтра быть готовыми к убытию в направлении фронта работ.

Вот так! Думал, что пару дней можно расслабиться после лётной практики, и на тебе.

Работы было не просто много. Такого слова нет для описания этого объёма. Для того чтобы прокопать этот «Кабелепровод», потребуется не один день, и не один десяток сломанных лопат.

– Вы сверху видели, какое там расстояние? Это же миниатюрный «Беломорканал»! – восклицал Артём после построения. – Лучше бы не торопился сдавать экзамен.

– Это тебя не спасло бы, – сказал я. – Костян, как слетал?

– Сдал я. Сам слетал, как никогда раньше, – ответил он, раскрывая коробку. – А вот, что мне перепало.

Костя достал ту самую модель МиГ-21, которую мне показывал Граблин. Такую вещь, как подарок супруги, он решил отдать простому курсанту.

– Сказал, что это был его крайний полёт. Может, зря мы на Граблина плохое думали? – спросил Костя.

– И правда, нормальным мужиком оказался. Только не пойму, зачем из-за дочери уезжать в Москву? Здесь школ, что ли нету нормальных? – задавался вопросом Тёма.

– Ты вот лучше думай, как нам завтра не сдохнуть от жары. Граблин уже уезжает, а нас пока никто не отпускает, – сказал Макс.

С самого утра начались работы нашего строительного отряда. Два взвода курсантов – наш и первого курса, отправили в район предполагаемого расположения кабеля.

Местность, как и полагается в подобных случаях, была полностью открытой, без единого деревца или домика, где можно бы было спрятаться от жары. Контролировал проведение наших работ целый заместитель командира полка по тылу.

Как и большинство представителей его специальности, подполковник Буряк отличался красивой формой одежды и большим её размером. Даже при огромном желании, обнять тыловика у нас бы не получилось и вдвоём. Размер его живота этого не позволял.

В целом, человеком этот Буряк был тихим и спокойным. Кнутом нас не бил, а даже, наоборот, обещал одарить пряником. Через час после начала работ отправил один из ЗИЛов, которые нас привезли на работы, в столовую за водой и вкусняшками.

– Я у него уточнил, – сказал Макс, возвратившийся от Буряка. – Сейчас нам пряников привезут. Сегодня, говорит, весь день работаем, а завтра до обеда.

– Есть хочу. Может, сбегает до магазина? За лесопосадкой здесь есть, – предложил Артём.

– Потерпи, «желудок», – сказал я. – Сейчас подвезут.

– Да ладно, – отмахнулся Рыжов. – Тут, кстати, настойку классную делают. От неё даже запаха нет. Может, отметим окончание практики, раз нам не дали этого сделать в увольнении?

– Ты прошлый год помнишь? Фомич начало практики отмечал, а потом еле-еле восстановился в училище.

– Подтверждаю, – сказал Макс, возвратившись от зама по тылу. – В магазин сгоняйте. Можете даже вдвоём. Буряк сейчас отъедет. Сказал, часа через три появится.

Экспедиция в составе Артёма, Кости и первокурсника по имени Олег выдвинулась в сторону магазина. Что там произошло, можно только догадываться. В обратном направлении через два часа двигались уже два человека и одно создание.

– Макс, ну вообще не при делах. Ты же видишь, что мы трезвые, – сказал Артём, который сбросил с себя небольшое тельце первокурсника Олега.

– Вы придурки или притворяетесь? – спросил Макс. – Вам человека доверили, а вы его споили.

– Максим, вот хоть зуб выбивай, зашли в магазин. Начали покупать. Зашёл следом за нами дедок. Тот, кто настойкой торгует. Попросил антенну ему на крышу поставить, – начал рассказывать Костя.

– Старик предложил с грядки огурцов и помидоров в качестве благодарности. Мы пока ставили эту железяку на крышу, молодого отправили за овощами. Оттуда он уже и приполз, – продолжил Тёмыч, отталкивая от себя протягивающего к нему руки Олега.

Ох, его счастье, что нет тут тыловики сейчас. Только теперь как это тело спрятать от подполковника?

Решение было принято следующее – сильно «уставшего» Олега погрузили в один из ЗИЛов, который остался с нами. К нему был приставлен специально обученный молчать, ничего и никому не объясняющий курсант с первого курса.

– Да на кой мне эти проблемы? – вопил младший сержант, будучи заместителем командира взвода у первокурсников. Уговорами с ним договориться не получится, поэтому командирское решение было принято мной и Максом соответствующее.

– Я тебе сейчас локаторы в трубочку сверну. Слишком они у тебя большие, – говорил Макс, схватив одновременно со мной этого лупоглазого паникёра за его уши.

– А я ноздри на задницу натяну. Будет интересное такое животное – попанос, – сказал я, прихватывая вдобавок его ещё и за маленький шнобель. – Хочешь поучаствовать в выводе новой породы?

– Нет, нет. Я понял! – воскликнул младший сержант.

– Это другой разговор, – хлопнул нас по плечам Костян.

– Слушай нас, младший, – начал говорить я. – Он получил просто гигантский, в несколько мегатонн, солнечный удар. Как башку не разбил, непонятно. Запаха от него нет, поэтому никто особо не догадается. Мы едем в машине с вами, а ты молчишь и киваешь, когда тебя спросят. Hast du verstanden?

– Чего? – не понял моего немецкого замком взвода.

– Ты понял? Немецкий вообще не учишь?

– Да просто так поставили. Два за знание, три за звание. Как будто у вас не так?

– Учи языки. Не факт, что всегда будешь в военной авиации летать.

Мои товарищи вопросительно посмотрели на меня, но в такие моменты они уже привыкли, что я говорю странные вещи.

Иностранный язык и, правда, пригодится всем военлёткам. После развала Советского Союза многим придётся искать места на гражданке. Там язык очень пригодится.

Когда объём работ был выполнен, подполковник Буряк, вернувшийся со своего затянувшегося обеда, объявил команду на погрузку.

– Ой, не могууу... – выкрикнул Олег, перекидываясь через борт, чтобы освободить свой кишечник.

Содержимое желудка совсем немного не попало на отполированные до блеска туфли Буряка, который в последний момент отпрыгнул назад, чуть не свалившись в вырытую нами траншею.

– Малец, ты чего такой?! – воскликнул он.

– Укачало, товарищ зам по тылу, – поспешил объясниться его замком взвода.

– Какой укачало? Мы ещё не поехали даже? – спрашивал Буряк.

– Солнечный удар. Он час назад как рухнул на землю. Мы его водичкой, а он только лежит и стонет, – вступил я в разговор. – Мы хотели в больницу, да вас же не было. Могут вопросов много задать. Кто старший был? Почему не контролировал? Почему так долго на жаре работали?

– Всё-всё. Ему точно не надо в больницу? – изменился в лице зам по тылу.

За курсанта ему сильно влетит. Не следил за состоянием в такую жаркую погоду. Если ещё узнают, что его тут не было, мало не покажется.

– Нет. Мы его в казарме приведём в чувство, – сказал Макс.

– Да. После приезда объяснительные напишем. На наших глазах всё было. Комэска нужно в известность поставить...

– Так, ну... ни к чему это. Я ему скажу, что завтра... завтра других возьму. А то вы все попадаете с ног, – сказал Буряк и отправился в кабину.

По приезде Олежка самостоятельно встать уже не смог.

– Уснул бедолага, – довольно констатировал Макс, тормоша лежащего первокурсника, – сморило.

Тело Олега в ответ лишь что-то пьяно бормотало, не желая покидать належанное место.

– Давай за холодной водой, – отправил я одного из наших в казарму.

Импровизированный душ из ведра и несколько лещей, произвели должный эффект. Олежка уже мог самостоятельно стоять на ногах. Правда, недолго. Пришлось кантовать его вручную.

Как и обещал нам Буряк, следующий день был сделан для нас выходным. Комэска даже разрешил увольнения, но долгого и объемного инструктажа избежать не удалось.

– На целый день даю вам увольнительную. На улице жара, денежное довольствие вам дали, ходить рядом с пивной запрещаю категорически! Кто ещё этого не понял, выйти из строя и марш в казарму!

– Говорят, вчера Валентиныч объявился. Живой и здоровый, – сказал шёпотом Макс, пока Ребров продолжал рассказывать о вреде чрезмерного употребления алкоголя.

– И где был? Не у Галины, случайно? – предположил я.

– Похоже, что к ней он больше не пойдёт, – усмехнулся Макс.

– Курков, головка от патефона, слушать и запоминать. А лучше записывать! У нас даже старые и прожжённые технари спирт пивом не запивают, потому что голова с утра будет болеть. И на кой тогда пить, козявки вы мои?

– Он в соседнем городе лечение, оказывается, проходил, а супруга не в курсе была. Вот она и тревогу забила, – шепнул Макс.

Наш уважаемый и неуязвимый Роман Валентинович подхватил всем известную болезнь, но в нашем госпитале ему было категорически невыгодно лечиться. Сей недуг называется «гусарский насморк».

– Так что Валентиныч теперь в принудительном отпуске, – сказал Макс, пожимая всем руки после выхода за КПП.

Наконец-то я смогу увидеть свою Женечку. А вот и она. Светло-голубая футболка и юбка в чёрный горошек, волосы развеваются на лёгком ветру, а каблучки стучат по асфальту, когда она бежит ко мне.

– Так долго не выпускали тебя? Я соскучиться успела уже сильно, – сказала Женя, чмокнув меня в губы.

– Я-то, как соскучился. У нас целый день сегодня свободен до вечера. Есть мысли?

– Ну, родители предлагали на дачу к ним в Сметановку съездить, но я думаю другими делами заняться, – загадочно улыбнулась Женечка, теребя меня за нос.

Сильно упрашивать меня не надо для таких случаев. В себе я чувствовал полную уверенность, и готов был хоть сейчас отправиться к своей девушке домой. Выйдя на тротуар, я понял, что сейчас будет неловкая ситуация.

– Привет, Серёжа! – воскликнула Аня Краснова, махая мне рукой и приветливо улыбаясь.

Глава 6

Вот совсем не вовремя встреча со старым «другом». Ещё и таким красивым, как Аня Краснова. Сейчас она выглядела шикарно – нежный маникюр, белая блузка с двумя расстёгнутыми пуговицами, зелёная юбка и туфли того же цвета. Милые пухлые щёчки ушли после родов, слегка подкрашенные ресницы и блестящие серьги добавляли ей солидности и некоего шика.

С её отцом мне необходимо пообщаться, поскольку он обещал кое-что узнать о Платове. Да и задать пару вопросов по работе Валентины Родиной не мешало бы.

А тут его дочь, моя одноклассница и возлюбленная предыдущего Родина, ещё и во всей красе... Непонимание на лице Женечки выглядело угрожающим. Пожалуй, мне следовало бояться за своё здоровье. Вот только как ей сейчас объяснить, что у нас с Красновой ничего не было? Инцидент в беседке два года назад не в счёт. Дальше поцелуев дело не дошло.

– Я так рада тебя видеть! – воскликнула Аня, бросившись мне на шею.

Непонимание на лице Жени сменилось шоком, и одной фразой «какого чёрта». Выражение её лица не описать. Зная дипломатичность своей девушки, я ждал чего-то вроде вежливого покашливания. Но сейчас, видимо, не тот случай.

– Уважаемая, я вам не помешала? – слегка дотронулась до плеча Ани Женья.

– Ой, я как-то... не заметила вас. А вы... напомниме, кто вы? – спросила Аня, делая вид, будто не поняла, что перед ней моя девушка. Вроде не блондинка.

– Евгения Горшкова, а вы?

– Простите, Сергей рассказывал о вас, когда был в отпуске в прошлом году. Вы знаете, мы с ним...

– Знаю, знаю. Анна Краснова, одноклассница и все дела. И какими судьбами в нашем городе? – перебила её Женья, кивая головой и закатывая глаза.

– Отдыхаем с родителями и сыном.

– Ах, с сыном. У вас мальчик? – спросила Женья.

Почему девушки всегда интересуются такими подробностями? Ведь, не нужна ей информация о сыне Ани, но обойти этот вопрос стороной никак нельзя.

– Да. Мы его Георгием назвали.

Прям как моего дядю Жору. Жаль, что малец, как и мой дядька, без отца расти будет. Хорошо, что дед с бабушкой ещё в порядке. На ноги поставят, пока Аня свою жизнь устраивать будет.

– Я не сильно вам помешала? Просто, так давно Сергея не видела, – улыбнулась Аня, окидывая меня любопытным взглядом.

– Ну, раз не виделись, предлагаю нам пройтись до кафе в парке, – сказала Женья, грозно посмотрев на меня.

– Мы же, вроде, торопились. Ань, у тебя же всё хорошо? – сказал я, но Женья резко схватила меня за руку.

– Думаю, мы уделим твоей однокласснице пару часов. Тебя до вечера отпустили. Не против, Анна? – спросила Женья, прижимаясь ко мне.

– Очень даже не против. С удовольствием.

А я-то как рад! Всегда мечтал, чтобы из-за меня подрались две красивые девушки. Тут уже вопрос не в моей завышенной самооценке. За здоровье двух красавиц переживаю. Ну и в частности за их внешность. Ногти у обеих имеются, а ещё каблук, и волосы, которые можно повырывать.

Чудесная погода, зелёный парк, благоухающий ароматами цветом, приятная музыка и очень напряжённая атмосфера.

В кафе девушки с натянутыми улыбками начали рассказывать друг другу о своих успехах.

– Я сейчас на третий курс журфака перешла в МГУ. Досрочно сессию сдала. Вообще, Москва – потрясающий город с огромнейшими возможностями. А вы, наверное, не были в столице, Евгения? – пыталась зацепить её Аня.

Специально или нет, но Краснова слегка развернулась и медленно положила одну ногу на другую. Как тут не взглянуть на такие стройные ноги. Будто готовилась себя показать. Мне ничего не оставалось, как развернуть голову в сторону Жени и любоваться её красотой. Но глаз так и дёргался, чтобы посмотреть Аню в позе молодой Шерон Стоун. Даже левой ладонью пришлось закрыться.

– МГУ – это хорошо. В Москве бываем. Папа у меня докторскую защитил. В Академию наук приглашают поработать. Пока вот раздумываем. И как вам, Аня, одной с ребёнком? На себя времени хватает? – спросила Женя, нежно поглаживая своей миниатюрной ногой меня под столом.

– Как видите, Евгения. Делаю гимнастику по утрам. Бассейн посещаю. А вы успеваете с вашей работой в школе? Вид у вас какой-то уставший. Вам надо за собой следить.

Ну, началось контрнаступление. Пошли оценивающие взгляды, ехидные ухмылки, колкие замечания. Меня можно было и не замечать, но для чего-то я женщинам понадобился.

– Серёжа, а можешь нам мороженого и сока купить? – попросила Женя, когда играла песня Вахтанга Кикабидзе из его лучшего фильма «Мимино».

«Чито-герито, чито-маргарито, бабам», – как-то так пел грузинский артист.

– Женя, так у тебя же горло болело. Думаю, что стоит повременить с холодным, – сказал, я припомнив, что моя девушка недавно простывала.

– Серёжа, а у меня не болит. «Эскимо», пожалуйста. И вместо сока «Боржомии». Слежу, знаете ли, за фигурой, – сделала свой заказ Аня.

– Сергей, мороженое, «Боржомии» и «Ессентуки», – настойчиво проговорила Женя.

– О, про водичку я совсем забыла. Мне тогда тоже «Ессентуки», – поправила Аня.

Я порылся в карманах в поисках денег. Они у меня были, но, может, именно их отсутствие станет причиной не оставлять девчонок одних в бессмысленном противостоянии.

– Девчата, я с удовольствием, но без гроша в кармане. Мне ужасно неловко...

– Милый, вот три рубля, – сказала Женя, протягивая мне бумажную купюру с гравюрой Московского Кремля. – Ни в чём себе не отказывай.

– Женя, ну я же в гостях. Вот возьми пятёрку. Себе покушать купи что-нибудь, – протянула мне Аня купюру с изображением Спасской Башни.

– Аня, ну я настаиваю, – начала спорить Женя, и Аня охотно подхватила эту волну.

Чтобы девушки ещё и за возможность сунуть мне денег не передрались, я решил найти у себя в кармане деньги.

– О, а я нашёл. Вы точно хотите мороженое и всё остальное?

– Серёжа! – вместе рыкнули на меня девушки.

«То ли ещё будет. То ли ещё будет. То ли ещё будет, ой-ой-ой», – пела Алла Борисовна один из своих шлягеров.

Как я с ней сейчас согласен! Осталось только одно маленькое уточнение сделать.

– Дамы, вам какие «Ессентуки»? Номер четыре или двадцатку? – спросил я.

– Семнадцать, – снова в один голос произнесли девочки.

Теперь точно пора уходить. Оглядывался я назад постоянно. Старался прислушиваться к тону их разговора и к реакции окружающих. Людей в летнем кафе было немало, так что возможность драки была минимальной. Так мне казалось, но в этом нельзя быть уверенным, когда такие страсти кипят между ними. Если начали обсуждать свою внешность, скоро перейдут на оскорбления.

Возвратившись с двумя купленными «Эскимо» и бутылками нужной минералки, я обнаружил прибавление за столом.

Рядом с синей детской коляской стоял Леонид Борисович, а на моем месте сидела его супруга, которая что-то рассказывала девушкам. Вот же интересно, насколько Вероника Васильевна смогла погасить этот «холодный» конфликт между Аней и Женей? Как мне кажется, девушки только притворяются сейчас, что хорошо общаются.

К слову о детской коляске. Дядя Жора мне показывал свою старую, которая стояла у него в гараже. Он рассказывал, что отечественные коляски были громоздкими, тяжёлыми и неудобными. Любая советская мамочка мечтала о коляске из ГДР бренда «Zekiwa».

– У вас хорошая коляска, – отмечала качество детского транспортного средства Женя.

– Спасибо, Евгения. Товарищи передали из-за границы... а вот и Сергей, – поприветствовал меня Леонид Борисович, принимая из рук минералку. – Как ты догадался, что мы ужасно хотим пить?

– Лето на дворе. Пить хотят все. Вы тоже «Ессентуки 17» пьёте? – спросил я.

– Ой, зря ты такую Серёжа купил. Ни я, ни Аня её не предпочитаем, – сказала Вероника Васильевна.

Женя в этот момент довольно улыбнулась, а вот Аня слегка скривилась. Ну что сказали, то я и купил! Сами виноваты.

– Посмотри Сергей, какая у семьи Красновых коляска, – кивнула Женя в сторону транспорта.

– Мощные рессоры, надёжные тормоза, сетка для сумок внизу и окошко для просмотра, – хвалилась Аня. – Во время беременности спала и видела, что у меня будет такая.

– Мы с Серёжей тоже такую купим, – сказала Женя, и я чуть не выронил из рук мороженое прямо в коляску, когда проходил мимо. – Кстати, Свете с Артёмом, подарят на свадьбу такую же, ты знал об этом?

– Даже не догадывался, – сказал я, протягивая холодное лакомство Жене. – Леонид Борисович, отойдём в сторону.

– Да, Сергей. Конечно.

– Только ненадолго. Я уже из последних сил держусь, – шепнула мне Женя, пока Аня и её мама занимались малышом.

– Пять минут.

При отходе на безопасное от подслушивания расстояние, я не переставал следить за Женей. Аня тоже хороша, подначивает постоянно мою девушку. Чего только добивается?

– А ты смелый, раз решил двух таких львиц посадить рядом с собой, – улыбнулся Краснов, доставая сигарету из пачки «Мальборо».

– Сам от себя не ожидал. Есть что-нибудь для меня, Леонид Борисович?

– По твоему вопросу у меня информации нет. Я скоро еду в Москву, там поспрашиваю.

– И надолго в столицу?

– Перевожусь туда, Сергей. Предложили работу в управлении.

– Дайте я сам угадаю – Первое главное управление и шестой отдел? – предположил я.

Выражение лица Краснова стало более серьёзным. Такими темпами он меня начнёт подзревать в работе на третье управление КГБ, которое занималось контрразведкой.

– Не слишком ли ты осведомлён о структуре моей организации? – спросил Леонид Борисович, наблюдая по сторонам.

– За нами никто не следит, можете не оглядываться. А моя осведомлённость – я просто наугад назвал.

Свой вывод по переводу я сделал неслучайно. Первое главное управление отвечало за внешнюю разведку в годы существования такой мощнейшей структуры, как КГБ СССР, а шестой отдел занимался как раз Вьетнамом и граничащими с ним странами, а также Кореей.

– У тебя есть ещё вопросы? – спросил Краснов.

– От какой болезни умерла Валентина Родина, то есть моя мама?

– Заболела дизентерией, а потом всё это переросло в лихорадку. Зачем эти все вопросы, Сергей? – недоумевал Краснов.

– Просто странно, что дипломированный химик, работающий на спецслужбы, не смог себя обезопасить от такого заболевания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.